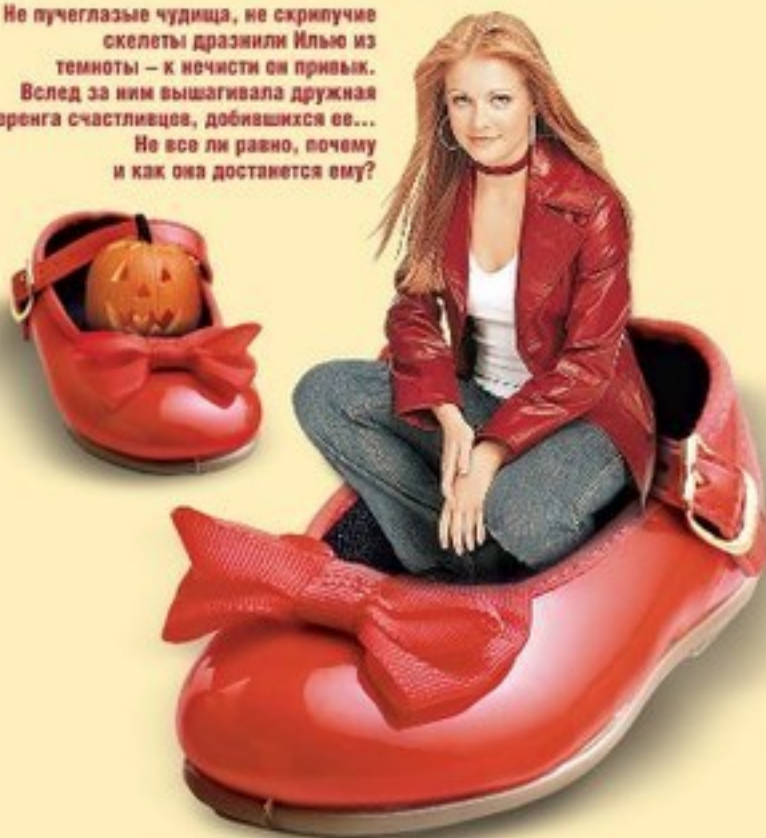

светлана
Тончаренко
*Н*енский детектив
**ПОБЕДИТЕЛЬ
СВОЕ ПОЛУЧИТ**

Не пучеглазые чудища, не скрипучие
скелеты дразнили Илью из
темноты – к нечисти он привык.
Вслед за ним вышагивала дружная
шоренга счастливых, добившихся ее...
Но все ли равно, почему
и как она достанется ему?

Светлана Гончаренко

Победитель свое получит

«Центрполиграф»

2008

Гончаренко С. Г.

Победитель свое получит / С. Г. Гончаренко —
«Центрполиграф», 2008

Несостоявшийся программист Илья частенько чувствовал себя неуязвимым зрителем, меняющим картинку на мониторе. Наблюдать за окружающими со стороны было ужасно забавно, особенно за обитателями соседнего дома. Он, подобно нордическому замку из любимой Илюхиной компьютерной игры, кишел нечистью и привлекал молодого авантюриста не меньше, чем легкомысленная красавица Ксюша. Неожиданно Илья оказался втянут в поединок с роковыми страстями, в котором только в награду за подвиги рыцари получают принцесс, даже тех, которые этому и не рады. Но победителей не судят...

© Гончаренко С. Г., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

1	5
2	14
3	24
4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Светлана Гончаренко

Победитель свое получит

1

- Что такое? Стреляли, что ли?..
- Покушение! Двоих замочили!
- Разойдись, опасно!
- Вон один мигает – живой. Тащите его из-под трупа!
- Мигает? Дура, это агония!..
- Посторонних вон! Машина заминирована!
- Что за хрень? Второй тоже мигает!
- Разуй глаза: он помер!
- Как помер? Да где же они все? Отодвинься! Не видно!
- Не наступите на руку! Зарезали депутата Снупаренко!

Что могут кричать случайные свидетели страшного происшествия, кроме ерунды? Ведь им приходится на все глядеть издали.

Охранники торгового комплекса «Фурор», сцепив руки и образовав нерушимый хоровод, стали теснить очевидцев на тротуар. Воздух весело пах порохом.

- Опасно! Разойдитесь! – требовали охранники.

Толпа только прибывала от этих призывов. Вдруг из первых рядов донесся бодрый старушечий голос:

– А я видела, как тут шастали двое в кепках. Вы бы, парни, чем на месте толкаться, за мусорку бы сходили. Эти двое на мусорку пошли...

- И до сих пор сидят там в дерьме, – саркастически закончил один из охранников.

Он животом отодвинул активную старуху в толпу и стал бдительно вглядываться куда-то поверх голов.

- Сходили бы, ноги не отвалятся. Так, на всякий случай, – посоветовал кто-то сиплый.
- Ну и сходи, если дурак.
- И схожу!

Илья наблюдал суматоху как зачарованный. Казалось, что все это устроили специально для него. Становилось все интересней и интересней. Только блюза он уже не слышал – то ли машину повредил взрыв, то ли крики заглушили музыку. Но и без музыки было на что посмотреть.

В своей тени Илья был уверен, что сам он тоже просто тень. Он даже чувствовал себя неуязвимым зрителем, который щелкает себе беспечно мышью и меняет картинки на мониторе.

Так продолжалось, пока совсем рядом не возникли какие-то двое. Кто они были, Илья не разобрал – они просто вырезались громадными черными силуэтами на фоне освещенного «Фурора». Силуэты были безлики, но не бесплотны: они тяжело дышали, потому что минуту назад кричали всякую чепуху, а еще раньше долго пили пиво. Земля под ногами незнакомцев содрогалась так основательно, что Илья чувствовал это своими подошвами.

Когда позже Илья вспоминал этот вечер, то всякий раз кусал локти. Ведь можно было просто вжаться в стену склада и затаиться. Тогда двое гигантов не заметили бы его – никого они не искали, а просто бегали вокруг «Фурора», возбужденные шумом, криками и неразберихой.

Но Илья, застигнутый врасплох, не успел пораскинуть мозгами. То, что за спиной у него помойка, о которой говорила бдительная старуха, он тоже забыл. Вернее, о помойке он совсем не думал. Зато он видел, что какие-то двое бегут прямо к нему.

Бессловесные первобытные инстинкты проснулись намного раньше разума: Илья подпрыгнул на месте и неожиданно для себя побежал прочь.

– Ага! Вон он! – сипло возликовал один из гигантов.

– Вау! – поддержал его напарник.

Помойку, указанную старухой, Илья миновал, что называется, на автопилоте. Там не было никаких двоих в кепках – лишь несколько кошек, одинаково серых в темноте, лениво прыснули из баков.

От помойки Илья свернул на длинный тротуар, обсаженный тополями. Эта аллея вела к его дому. Если бы он мог соображать, то просто шарахнулся бы в ближайšie знакомые кусты. Затем хорошо было бы попетлять по дворам и скрыться на каком-нибудь пустыре.

Однако Илья все бежал и бежал по прямой дорожке, высветленной бледной луной. Тени тополиных стволов лежали на асфальте, как неровные черные шпалы. Казалось, о них можно споткнуться. Илья двигал ногами с усилием – так бывает во сне.

Думать он совсем не мог. Его объял страх: сначала внутри, в груди, вдруг оплыло и потекло что-то вроде куска мороженого. Потом коленки сделались чужими, а шаг неуправляемым. Бег Ильи оказался настолько плох, что он все еще ощущал свою длинную фигуру на проклятой аллее, рядом с очередной помойкой, тогда как его мысль и душа уже ловко заворачивали за угол, где начинались безопасные людные места и стоял его собственный дом. Домой хотелось сейчас, как никогда.

А ведь поначалу сегодняшний вечер не обещал ничего странного или нехорошего. Был он, правда, темноват, но в октябре все вечера темные и хмурые. Закончив работу, Илья некоторое время еще бродил у служебного входа торгового комплекса «Фурор». Покупателей внутри уже не пускали, служащие постепенно расходились по домам.

Однако Илья никуда не шел – темнота не отпускала его. С этим он ничего не мог поделать, и случалось так каждый вечер. Когда сгущалась тьма, одна за другой исчезали тысячи дурацких подробностей, из которых состоял дневной мир. Этот мир был неинтересен, некрасив и суетился по пустякам.

В сумерках все преображалось: предметы меняли очертания и постепенно сжирались потемками. Оставалась одна сплошная черная пустота, которая могла наполниться чем угодно. Вернее, чем Илье было угодно – то за оградой «Фурора» перед ним открывались дикие громадные пространства, то росли небоскребы, то поселялись странные существа, вроде тех, что обитают в компьютерных замках.

В темноте и сам Илья оказывался другим – могущественным, мудрым, незнакомым самому себе. Он мог совершать любые, даже самые дерзкие поступки, на какие днем не решился бы ни за что. Но проще всего было просто раствориться в потемках и наблюдать, что происходит вокруг. Это было веселое занятие.

Сегодняшний вечер тоже начинался весело. Ничего и придумывать не пришлось! Свет фонаря над дверью и реклама, жиденько подмигивающая розовыми трубками, освещала крыльцо «Фурора», но не могла осилить слепое, суровое здание склада. Склад стоял в стороне и днем смотрелся крайне невзрачно. Сейчас же он высился за «Фурором» мрачной глыбой и даже стал напоминать средневековую цитадель. В тени цитадели стоял никому не видимый и оттого всесильный Илья.

Из-за склада поначалу он мог наблюдать немного – крыльцо и парковку. На парковке стояли рядом четыре машины работников магазина «Фурор». Очертания черного «лексуса» не случайно были самыми солидными – машина принадлежала Алиму Петровичу Пичугину, хозяину «Фурора».

Наверное, именно из «лексуса», из-за закрытой двери, нежно тянуло блюзом. Подобная музыка самой обыденной картинке придает если не величие, то значительность. Илья прищурился, и фонарь стал туманным шаром, а все прочее расплылось до неузнаваемости. Таким этот вечер можно запомнить – загадочным и печальным. Слабо реяли над крыльцом «Фурора» рекламные флаги продовольственных компаний, тьма дышала холодной влагой, и пульсировал в «лексусе» блюз – тихо, ровно, почти невнятно, как жилка на теплом запястье. Все это было похоже на начало фильма из чьей-то великолепной и опасной жизни.

Вскоре появились и герои – сам Алим Петрович и два его телохранителя, Тазит и Леха. Телохранители были роста неправдоподобного, чуть ли не вдвое выше хозяина. Несмотря на холодный вечер, все трое оделись легко. Светлый деловой костюм Алима Петровича лунно мерцал на фоне черных одежд охранников. Такой костюм годился бы даже в разгар лета: хорошие машины позволяют своим владельцам не кутаться в любую погоду.

Трое деловых людей на минуту застыли на крыльце. Они вдыхали живой стылый воздух, немного от него опешив. Лысая голова Алима Петровича поймала розовый блик рекламы и нарядно заблестела.

Через минуту Пичугин двинулся с крыльца. Синхронно, как подтанцовка, шагнули за ним телохранители.

То, что произошло в следующий миг, Илья потом пытался выстроить в нужной последовательности, но получалось плохо. Машины, флаги, блюз он помнил отчетливо, а все остальное смешалось в кучу. Сначала он, конечно, услышал хлопки – не слишком громкие, но все-таки надавившие на уши. Или хлопки были потом? Видел он и карнавальный столб белого сыпучего пламени, который озарил гладкие тела машин. Но вот сколько было хлопков – и слабеньких, и покрепче? Три? Или больше? Что все-таки было вначале – огонь или звук? Хлопок или треск? И которая из искр вызвала в мир пышное облако дыма, мутно-розовое от рекламных огней?

Погоня на аллее продолжалась бесконечно, то есть уже минуты две. Могучие преследователи начали выдыхаться. Они топотали теперь не так дружно, зато плевались обильнее и чаще.

– Ну его на... Димон, – наконец взмолился один. – Ты ж знаешь, дышалка у меня ни к черту.

– Потерпи, Серый! Вон он, близко. Не уйдет, – сипел энергичный Димон.

– А если у него пушка?

– Он бы уже стрелял.

– А если он пока выжидает?

– Какого хрена? Да мы его бить-то сильно не будем. Лучше совсем не трогать. Вот поглядим, где он заляжет, и ментам отзовонимся.

– Ментам?

– А то! Они пусть его и берут. А нам этот, из «Фурора», которого взрывали, бабок навалит.

Ободренный такой перспективой, Серый затопотал старательней, задышал слышней. По этим звукам Илья понял, что расстояние между ним и преследователями сокращается. Он из последних сил задвигал ногами, но от этого угол дома в конце аллеи ничуть не стал ближе. «Обман зрения какой-то. Я все время бегу, а на том же месте. Не снится же мне это все?» – в панике думал Илья.

Вдруг и угол дома, и дорожка под ногами, и дырявые кружева тополиных крон, и небо с единственной звездой, которая все время маячила впереди, – все это куда-то делось. Зато колени, локти, ладони и даже подбородок больно поехали по корявому холодному асфальту.

Илья понял, что упал. Он услышал, как Серый с Димоном, торжествуя, перешли на прыжки. Их силуэты быстро делались того же громадного размера, какими Илья увидел их впервые на фоне автостоянки «Фурора». Конеч!

В голове Ильи моментально пронесся ряд отрывочных картинок. Такое всегда бывает, когда герой оказывается на волосок от гибели. Илья видел в детстве по телевизору много фильмов и знал, что теперь перед ним обязаны мелькнуть лучшие минуты жизни – первый бал, букет ландышей, родная природа. В случае Ильи сгодились бы заслуженная тройка по физике или соседка Нина Борисовна, загорающая на своем балконе, этажом ниже, в розовом нижнем белье.

Однако почему-то его видения оказались иными. Он касались исключительно будущего и были кошмарны. Ему рисовались неминуемые туманы и пинки, бешеный гнев Алима Петровича, ментовка, идиотские показания Димона и Серого, нелепый приговор и клетка в зале суда, похожая на те, какими в цирке ограждают зрителей от хищников. Даже тигриный рык в ту минуту послышался Илье. Рык не растаял и тогда, когда вспомнилось, что тигров поблизости быть не может, – он только набрал силу и перешел в рев.

– Ай! Серый! – совсем недалеко засипел Димон. – Что за...? Ой!

– Говорил, ну его на... а ты! – взвизгнул и Серый. – Линяем!

– А бабки?

– Какие на... бабки! – отвечал Серый.

Димон снова ойкнул басом, затрещал кустами.

Топот чудовищных ботинок двух жадных друзей стал тише, зато крики громче и беспорядочней.

Илья приподнялся на локте и повернул голову в сторону криков. Серого и Димона он увидел чуть в стороне, на ближайшей детской площадке. В свете единственной лампы, обреченно склонившейся с высоченного фонарного столба, двое бывших преследователей бежали кругами, тяжело оступаясь в сыром песке. За ними носилось что-то невероятно проворное, большое, черное. Оно норовило ткнуться жертве сзади в штаны. Немного придя в себя, Илья сообразил, что черное – это собака.

– Снарк! Ко мне! Ко мне! – на комарино-тон-кой ноте зазвенел чей-то голосок.

Эти призывы, кажется, раздавались и раньше, но не были слышны за собачьим ревом и воплями Димона и Серого.

Разохотившийся Снарк не спешил выполнять команду и еще некоторое время гонял несчастных вдоль дворовой песочницы и шведской стенки. Он стал отставать, только когда все трое вдоволь напрыгались. Наверное, ему просто сделалось скучно.

Димон с Серым улучили момент и растворились в темноте. Снарк спокойной рысцой покинул поле боя и прибыл на аллею. Илья уже стоял на ногах – бежать и даже идти он не решался.

Снарк спокойно подошел к Илье, обнюхал его колени. Затем пес привстал и положил на грудь спасенному такие тяжелые лапы, что тот покачнулся от неожиданности. Громадный горячий язык быстро накрыл Илье пол-лица. Стало очень больно, и Илья понял, что основательно ссадил подбородок.

Не убирая лап, пес спокойно глядел Илье куда-то в переносицу. Морда у Снарка оказалась громаднее, чем можно было предположить, глядя на нее издали, и походила на ящик. Крупный нос поблескивал в свете звезд. Небольшие глазки Снарка были расставлены невероятно широко, и от этого его морда выражала нечто неопределенное, но очень сложное. Такую мину человеческими словами описать нельзя, поскольку она встречается только у собак.

– Вы сильно ушиблись? Идти сможете? – спросил тоненький голосок.

Снарк снял лапы с груди Ильи, позволив тому обернуться и увидеть девчонку ничтожного школьного возраста – лет, скорее всего, одиннадцати. После того как сам Илья вырос, он перестал разбираться, сколько лет может быть таким малявкам. Поэтому хозяйку Снарка он мысленно отправил в пятый класс. Да, что-то в этом роде: ножки-спички в кукольных джинсах, куртка с глупым светящимся зайцем на груди, помпон на шапочке. О чем с такой говорить!

Илья потер друг о дружку грязные сбитые ладони, отряхнул штаны.

– Я цел, – сказал он небрежно и успокоительно. – Это твоя собака?

– Моя. Снарк.

– И какой она породы?

– Ротвейлер. Ему четыре года. А почему за вами гнались?

Илья задумался. Разумно ответить на этот вопрос было сложно.

– Сам не знаю, – признался он.

Почему Серый с Димоном припустили за ним по аллее, объяснить было некому – преследователи сбежали. А зачем он сам бросился от них наутек? Неизвестно! Все началось с происшествия на парковке. А там что, собственно, было? Кажется, тоже ничего серьезного – что-то вроде доморощенного новогоднего фейерверка. Илье даже показалось, что трое героев на крыльце упали еще до шума и дыма. Да, они упали, как подкошенные! Первым свалился Леха, на него от ловкой подсечки Тазита рухнул Алим Петрович, а уж сверху – сам Тазит. Своим крепким широким телом Тазит полностью накрыл Алима Петровича. Когда хозяин высунул было наружу свою лысую голову, чтобы хлебнуть воздуха, Тазит быстро затолкал ее под себя.

Все эти чудеса случились в мгновение ока. Уже через минуту к заднему крыльцу сбежалась целая толпа и заслонила от Ильи тела лежащих. Оглушительно завизжала какая-то женщина, неразличимая в темноте. Дежурные работники «Фурора» в форменных бирюзовых костюмах и случайные прохожие, кто в чем, стали вопить истошными голосами.

– Тут у «Фурора» была заварушка, – сказал Илья, пытаясь объяснить дело доступно для детского понимания. – Кто-то в машину что-то подложил. Может, взрывное устройство было, может, просто петарда. Шарахнуло, и хозяин «Фурора» – с копыт.

– Насмерть? – с надеждой спросила жестокая владелица Снарка.

– Кажется, нет.

Точно сказать, были ли жертвы, Илья не мог.

Убегая, он оглянулся на «Фурор». Кажется, в толпе мелькнул лунного цвета костюм Алима Петровича? Или какой-то прохожий тоже нарядился в этот вечер во все белое и повелительно размахивал короткими руками? А вот Тазит и Леха точно выжили после взрывов – они были на голову выше всех и отлично узнавались даже мельком и издали.

– Нет, не насмерть, – уже определенно ответил Илья.

– Жаль. Тогда почему за вами бежали?

– Да черт его знает! Я просто стоял, смотрел, а эти двое болванов за мной увязались. Лохи какие-то.

Теперь сбежавшие Димон и Серый, несмотря на их устрашающий вид и могучий топот, уже не казались такими грозными.

– А вы куда петарду сунули – прямо внутрь, в салон, или под низ? – со знанием дела поинтересовалась девчонка.

Илья рассердился:

– Ничего я никуда не совал! С чего ты взяла?

– Но вы же бежали! А эти двое за вами. Было страшно, вот и пришлось отпустить Снарка. Мне не очень нравится, когда двое на одного, хотя так, конечно, интереснее. Только те, что за вами гнались, очень уж противные! Они у нас возле первого подъезда всегда сидят пьяные.

Снарк шумно и согласно задышал. Он уже успел обежать всю аллею, усердно задирая в нужных местах могучую ногу.

Илья осторожно потрогал свой разбитый подбородок. Как все глупо! Могучие таинственные преследователи – всего лишь местные алкаши. Они позорно сбежали от собаки, которую вывела по нужде сопливая девчонка. Эх, ничего не напророчил настоящего и грозного сладкий, нездешний блюз! Все как всегда: мир тесен, зло мелко и липко, как выплюнутая жвачка, а спасение случайно и нелепо. Конец фильма. Зрители давно ушли, сучая и бранясь.

– Ладно, спасибо вам обоим, – сказал Илья, стараясь не поворачиваться к Снарку спиной. – Я бы, конечно, и сам с алкашами разобрался, но все равно спасибо.

– Пожалуйста, – серьезно ответила девчонка. – Вас проводить домой?

– К чему это? – удивился Илья. – Тебе самой пора! Маленьким в такое время положено кашку кушать и «спокушки» глядеть. А то по вечерам на улице всякая шпана бродит.

– Со Снарком я никого не боюсь.

Снарк громко фыркнул в подтверждение этих слов. Он, конечно, молодец хоть куда: грудь шире и крепче, чем у Ильи, лапы громадные, голова бычья, зубы крокодилы.

– Ну, пока, – сказал Илья.

Он пошел по аллее спокойно, не оглядываясь.

Та же звезда, что и прежде, маячила над головой, а вот луна куда-то пропала. Угол нужного дома на этот раз послушно приближался, ночь скучнела на глазах и стала почти прозрачной. У Ильи болело колено и ныл разбитый подбородок, облизанный Снарком. Самым противным было то, что внутри все-таки засела холодная неуправляемая дрожь и никак не хотела успокоиться. Уговорить ее было невозможно.

Дома Илья долго стоял под горячим душем. Потом он съел две тарелки огненных макарон, нарочно осыпав их самым злым, вышибающим слезу перцем. Слезы текли, как положено, однако холод внутри оставался. Тогда Илья включил компьютер, и тьма осталась снаружи, на постылой тополиной аллее. Тьма не бывает сплошной и вечной. Такой она остается, пока не вспыхнет божественная синева, а в этой синеве не разверзнется мир, который ты сам выбрал.

Например, сегодня сквозь зыбкие облака блеснуло море. Ничего курортного: море это холодное и светлое, как сталь. В мгновение ока на его берегу поднялись скалы, серый замок стал на вершине горы. Зубцы его стен бесчисленны, коридоры гулки, подземелья глубоки. Из углов, мутных от паутины, один за другим сразу полезли уроды с красными огнями глаз. Бояться их нечего – всех сокрушит твой светлый меч. Он громадный, но ничего не весит в верной руке. Теперь бей! Пусть нечисть дрогнет и разлетится в прах!

Стучат, катятся по камням гнилые черепа, гаснут скверные огни. Надо теперь шагнуть вперед, туда, где тьма и ужас родят новых чудовищ. Долго ты должен будешь, гулко ступая, крушить и крушить их. Твой меч лучом реет перед тобой и раздвигает потемки. Снова нечисть падает ниц кучкой костей и пепла, а впереди...

– Кто бы мог подумать – наша Барахтина! Илюша, ты должен ее помнить: я тебя водила на «Зайку-заснайку». Ты еще сказал, это не заяка, а тетенька. И вот полюбуйся... Да подойди же на минутку!

От подобного крика шарахнется любой призрак – чудесное не выносит чепухи!

Бездонные глубины и бесконечные дали съезжились и убрались в прямоугольник компьютерного монитора. Меч в руке обернулся половинкой серого пластикового яйца и стал называться мышью. Зато мир малоинтересный и скучный тут же разросся вокруг. Первыми возникли ближние предметы: стол, шторы в синюю полоску, пузатый, накренившийся к свету кактус на подоконнике. За шторами проступили ночные огни. Их тусклые созвездия обозначили окрестности: двор, соседний дом, детский сад, переделанный в парикмахерскую.

– Илюша, иди глянь на Барахтину!

Это звала из соседней комнаты мать. Она полулежала на диване. Ее лицо освещал пестрый фонарь телевизора, в глазах прыгали огоньки. Из телевизора кто-то кряхтел.

– Скорей же, Илюшка, не то сейчас что-нибудь другое покажут!

Илья уселся рядом с матерью на диван и запустил руку в пакет с жареными семечками. Дождалась-таки Барахтина – он тоже на нее взглянул! В «Фуроре» о Барахтиной целыми днями говорили как о родной. Эта артистка Нетского ТЮЗа недавно перебралась в Москву и уже снималась в сериале. Сериал, правда, был из самых завалящих, про младенцев, которых, как водится, подменили в роддоме. Роль Барахтиной тоже досталась не главная и отрицательная.

Но Нетск все равно гордился землячкой и всякий вечер поджидал ее явления на экране, чем укреплял рейтинг сериала, который в других регионах дышал на ладан.

Мать Ильи, Тамара Сергеевна Бочкова, не пропускала ни одной серии. Сегодня она всласть насмотрелась, как какой-то злодей топил знаменитую уроженку Нетска в громадной ванне. Актеры ловко тянули время сто восемьдесят четвертой серии. Сначала Тамара Сергеевна следила за утоплением в одиночестве, потом призвала сына. Илья тоже посидел, посмотрел, нащелкал горсть семечек. Барахтину за это время можно было прикончить раз тридцать, даже не будучи таким атлетом, как напавший на нее супостат. Однако супостат, обхватив череп Барахтиной огромной лапой, окунал его в воду без всякого результата: двужильная Барахтина выныривала вновь и вновь. Она хрипела, громко икала, плевалась, а когда уходила на дно ванны, выбрасывала над радужной пеной то одну, то другую крепкую коричневую ногу с растопыренными пальцами.

– Очень сильная драматическая актриса, – со знанием дела отметила Тамара Сергеевна. – Я старая театралка и разбираюсь в актерской игре. Барахтина еще в Нетске обратила на себя внимание. Играет потрясающе!

– Чего тут играть? – не согласился Илья. – Дрыгай ногами да ори.

– Илюша, ты не понимаешь! Это очень убедительная сцена. Ты слишком мало видел в жизни, чтобы судить. Вот если б хоть раз тебе что-то всерьез угрожало...

Это ему-то ничего не угрожало? Как бы не так! Да если бы не победоносный пробег по компьютерному замку и не груды поверженных там врагов, коленки бы дрожали до сих пор! И Димон с Серым, плюясь, скакали бы перед глазами.

Памятная дрожь, привязавшись еще на аллее, все еще давала о себе знать. Это значило, что все сегодняшнее было на самом деле, а не привиделось в отвратительном сне, какие донимают утром перед самым звонком будильника. Впрочем, будильник у Бочковых не звенел – он гнусаво издавал песнь из «Лебединого озера». Просыпаться под такую заунывную музыку было особенно противно.

Оставив Барахтину пускать пузыри до конца серии, Илья снова устремился в стылые лабиринты своего нордического замка.

Прошло с полчаса, прежде чем к Илье вернулось спокойствие и уверенность в том, что он всесилен. Он перестал думать о погоне, чувствовать сбитый подбородок и видеть перед собой странно вдумчивую морду дурашливой собаки.

Плевать на собаку! У самого Ильи в прекрасном нордическом мире имелся свой верный зверь – огнедышащий дракон, тоже черный и когтистый, но куда крупнее и свирепее любого пса. Илья подумал, не назвать ли дракона Снарком. Звучное имя! С драконом не мог сладить ни один враг, даже сама волшебница Изора, облаченная в железное бикини и море розового газа.

Илья шелкнул мышью и вызвал белокурую Изору. Она раскачивалась перед ним в портретном окошке, как лист на воде, – тонула, всплывала, сыпала искрами раскосых глаз и сулила чудовищные беды.

Да, все женщины замка восхитительны, даже злодейки. Их совершенство пугало Илью – он слишком пригляделся к брэнной телесности живых красавиц. Чего-чего, а красавиц в «Фуроре» пруд пруди! Однако их прелесть уравнивается обидными пороками – глупыми нарядами, плохо покрашенными шевелюрами, резкими голосами, мокрыми носами с мороза.

А вот Изора во всем безупречна – так же как Тара, верная сообщница Ильи в лабиринтах замка. Куда до нее фуроровским дурам! Длинноволосая Тара бесподобно владела мечом, луком и нунчаками. Она щеголяла в мрачных разбойничьих ботфортах, дырявом мини-платьице из кожи и была намного краше самой Изоры. Илья, конечно, понимал, что никакой Тары не существует, что скроена она из примитивных грез неведомого разработчика игр и потому выглядит старательно выточенной из дерева, холодной и гладкой, как учительская указка.

Ну и пусть! Сам Илья, отправляясь на встречу с нордической нечистью, тоже мало напоминает собственное отражение в зеркале ванной. Во-первых, зовут здесь его не Ильей, а Альфилом, и лет ему не семнадцать, а никак не меньше тридцати. Он, высокий, атлетического вида блондин с тяжеленным подбородком и густыми бровями, не только носит во лбу сияющую Звезду Избрания – за плечами у него клубится бесконечный плащ, меч бьет без промаха, а враги на суше и на море трепещут от одного его вида.

В торговом комплексе «Фурор», где Илья уже три месяца работал грузчиком, его вид ни у кого не вызывал трепета. Зато его тут по-своему любили – и как самого младшего члена коллектива, и как сына Тамары Сергеевны Бочковой, Томочки, как все ее звали. Илья вырос в «Фуроре» – вернее, в безымянном гастрономе, куда лет пятнадцать назад попала Тамара Сергеевна после того, как ее сократили в библиотеке завода «Мехмаш». Ничего не скажешь, лихие были времена!

Библиотекарша Тамара Сергеевна устроилась тогда в молочный отдел. Все, всегда и везде ее любили – полюбили и здесь. Ее покладистость и мягкие манеры не выветрились за годы, проведенные за прилавком. Конечно, ее голос в гастрономе сильно окреп, но своих покупателей, как прежде читателей, она неизменно звала голубчиками, душечками и «моими хорошими». Знала она и целую кучу других ласковых слов.

Такое обращение многих голубчиков поначалу возмущало и отталкивало. Придя в себя, они невольно начинали скандалить и ругаться матом, но в ответ нарывались лишь на бархатный взгляд Томочки и ее милую улыбку. Улыбка никогда не сходила с Томочкиного лица – круглого и для молочного отдела адекватно белого, как сметана.

Постоянных покупателей в «Фуроре» больше всего было именно у Тамары Сергеевны. Своим голубчикам она так умела расписать прелести товара, что его хотелось не только купить, но и съесть на месте, жадно разгрызая упаковку. Даже если кефиру случалось уродиться пронзительно-кислым, а в йогурт производители перекладывали ароматизатора, идентичного натуральному (это, как известно, ацетон), Тамара Сергеевна распродала все. И ведь она ничего от покупателей не скрывала – лишь перекишшее называла пикантным, а пересохшее плотным. Это была правда в той же степени, в какой ее клиенты могли считаться душечками. Переважив плотное и пикантное, бедолаги наутро вновь брели к Томочке, чтобы принять дозу теплых словечек, на которую они давно подсели. Их ждала очередная сметана, «перед которой домашняя просто вода».

Илюша Бочков водворился в молочном отделе одновременно с матерью. И он, розовый, хорошенький и послушный ребенок, быстро сделался всеобщим любимцем. Из гастронома он пошел прямо в школу. После уроков он обычно устраивался позади прилавка, решал задачки и строил замки из стаканчиков с йогуртом. В отличие от Тамары Сергеевны он был молчалив, зато в невероятных количествах поглощал всякие молочные отходы – давленные сырки, кефир из раскисших пакетов и сметану из коробочек, которые дали течь.

Так шли годы. Из-за своего бело-голубого прилавка Тамара Сергеевна без всякого злорадства наблюдала, как библиотека «Мехмаша», откуда ее безжалостно вышвырнули, закрылась окончательно. Скоро и сам орденоносный «Мехмаш» обратился в прах и неживописные развалины. Он зарос бурьяном и выглядел теперь даже печальнее, чем остатки крепости XVII века – главной достопримечательности Нетска.

А вот заштатный гастроном, где осела Тамара Сергеевна, окреп и раздался, поглотив соседние химчистку, телеателье и цветочную лавку. Он сменил нескольких хозяев, получил звучное имя «Фурор» и смотрелся теперь вполне прилично, хотя далеко не элитно.

Несмотря на все переделки и перепродажи «Фурора», Томочка до сих пор улыбалась из-за витрины с тем же молоком. Все хозяева как один ее любили – и за «голубчиков», и за полное отсутствие амбиций (она даже никогда не мечтала возглавить молочный отдел, так как хромала по математической части). К тому же Тамару Сергеевну отличала редкая душевность, что для

работника ее скромного ранга означает готовность работать 8 марта и под Новый год, идти в отпуск в ноябре и быть при этом искренне счастливой.

Даже теперешний владелец «Фурора» Алим Петрович Пичугин, натура вообще-то крайне сложная и неуживчивая, очень ценил Тамару Сергеевну и ей одной доверял уборку своего личного кабинета. За это он доплачивал особо и щедро.

Когда нынешним летом сынок Тамары Сергеевны закончил школу, то не стал поступать на мясо-молочный менеджмент, о чем мечтала его мать, крепко свыкшаяся с молочным делом. Он замахнулся на университет, на информатику и, конечно, провалился. Уважая Томочку, Алим Петрович без разговоров принял Илью грузчиком – другой вакансии в «Фуроре» не оказалось.

Да, Илья больше не был тем милым бутузом, каким все знали его прежде, – покладистым, румяным, перемазанным клубничным йогуртом. Он вырос и изменился. Теперь это был тощий сумрачный подросток с заметной сутулостью компьютерного фаната, бесстрастным взглядом и репликами невпопад. Когда Илье было тринадцать лет, он опился жирными сливками. С того дня он перестал любить молочное, улыбаться покупателям и наивно рассказывать всякому любопытному, как у него дела.

Дела его были теперь таинственны и касались его одного. Скучный день, скучный «Фурор», скучная улица Радужная, глухая и пыльная, на которой он жил, – все это было только унылой необходимостью и почти сном (бывают же навязчивые сны, которые повторяются снова и снова!).

А вот ночь была смутна и непредсказуема. Она не управлялась никем, не принадлежала никому – вернее, принадлежала тому, кто ее желал. Скажем, Альфилу, суровому рыцарю с лазерным мечом, неустрашимому и свободному. Он был своим в потемках и играючи вершил в бессолнечном мире свое правосудие.

2

Илья оказался прав: Алим Петрович Пичугин в самом деле не пострадал от дыма и искр вечерних взрывов. Его телохранители отделались несерьезными пятнами на костюмах, да и машины все как одна остались целы.

Несмотря на это, уголовное дело о покушении было возбуждено. Алим Петрович, человек состоятельный, стало быть, мнительный и упрямый, поднял правоохранительные органы на дыбы. Он во всеуслышание заявил, что его кончину спят и видят конкуренты из сети гастрономов «Вкуснота», а также соседи по элитному поселку Суржево и какой-то Самсонов по кличке Смык, бывший бандит, а теперь владелец автомойки.

Машины, накануне озаренные фейерверком, к утру были свезены на экспертизу. Осмотр места происшествия выявил остатки взрывных устройств в виде цветных бумажек с китайскими иероглифами и пригоршни конфетти.

Эти красноречивые детали свидетельствовали: для покушения на Алима Петровича использовалась бытовая шутейная пиротехника. Она была приклеена к дну машины Тазита жвачкой и подорвана искрой, бежавшей по шнуру, который тянулся из-за ближайшего куста.

Дело на глазах упрощалось. Следственная группа, что работала на месте, воспрянула духом. Тихими радостными голосами сыщики уже сговаривались переквалифицировать покушение в мелкое хулиганство, учиненное шкодливыми подростками.

– Какие подростки! Почему подростки? – кипятился Алим Петрович Пичугин.

Он негодовал. Его элегантный галстук в оливковую и лимонную полоску вздувался на горячей груди и норовил выхлестнуть из жилетного выреза.

– Не было никаких подростков! – кричал Пичугин. – Это Смык, шакал, подстроил! Чтоб следствие запутать, он и бумажек нарвал, и жвачки нажевал, и людей своих в кустах поставил!

– Смык дядя серьезный, – заметил один из следственной группы, самый внушительный на вид. – Он не стал бы мелочиться с хлопущками, а послал бы к вам снайпера или заложил кило тротила, чтоб вас разнесло в бефстроганов.

– И разнесет! А сейчас предупреждает, запугать меня хочет! – кричал Алим Петрович и тряс своими короткими руками.

Если Смык или зловредные подростки желали запугать Алима Петровича, то им это удалось. Охрана Пичугина была максимально усилена. Грозные Тазит и Леха в целях безопасности теперь лепились к шефу так тесно, что издали всех троих можно было принять за сиамских близнецов, не сросшихся только разновысокими головами. Когда Алим Петрович сидел в своем кабинете, кто-нибудь из его стражей обязательно оставался у дверей и стоял, широко расставив ноги и глядя исподлобья.

Накануне вечером оперативники работали по горячим следам, а наутро начали подробный опрос свидетелей. Алим Петрович был крайне влиятельным в округе лицом. Помочь ему жаждал каждый, и свидетелей набралось много. Даже не верилось, что такая пропасть народу могла толкаться у «Фурора» в одиннадцатом часу вечера в неважную погоду.

Показания свидетелей были самые противоречивые. Охранники и менеджеры «Фурора», выходявшие вчера вечером на крыльцо покурить, взрывников не видели – за машинами простиралась пустота и дикая непроглядная темь. Зато посторонние прохожие наблюдали и могучих верзил, и толпы шпаны, и хохочущих девиц, и кого угодно. Конечно, все эти разномастные лица вполне могли мелькнуть у бокового крыльца «Фурора», причем без всякого злого умысла – там как раз пролегал тропка к аллее, по которой Илья вчера удирал от алкашей. Аллея вела на Радужную улицу. Любой, кто не брезглив и не чурается помоек, мог там вчера пройти.

Свет в конце туннеля не забрезжил даже тогда, когда явилась старуха, которая накануне кричала про негодаев в кепках. За ночь ее память прояснилась до невозможной степени – она

подробно описала не только пуговицы и надписи на кепках преступников, но и рубчик на ткани их брюк, и бородавки на их губах и под носами. Физиономия у свидетельницы была настолько правдивая, что сразу стало ясно: верить ей нельзя.

Алим Петрович сам отверг ее показания:

– Врет, все врёт! Она хочет, чтоб я ей с утра налил. А ведь вчера ночь была темная, фонарь у нас на крыльце слабый, энергосберегающий – что увидишь? Нет, пусть не ждет – не налью!

Работники «Фурора», которые еще не разошлись по своим отделам, злорадно хихикнули.

– О, Илюха? Ты как тут? – вдруг спросил, оглянувшись, один из милиционеров, молодой лейтенант с пергаментным лицом восточного принца.

– Наиль? Откуда? – в свою очередь изумился Илья.

Он явился на работу в самый разгар следственных действий и не успел еще понять, что к чему. Наиля он не видел года три. Раньше семья Мухаметшиных дружно соседствовала с Бочковыми на лестничной площадке, но квартиру разменяла и уехала. Теперь Наиль обитал на другом конце города, в Березках. Он не только успел закончить школу милиции и поступить в уголовный розыск, но до того в этом розыске пообтерся, что дело о покушении на бизнесмена Пичугина не вызвало у него ни малейшего трепета.

– Подростки шалят, – пояснил он Илье. – Вчера вот петарду взорвали на парковке, у машины владельца фирмы. Знаешь его?

– Еще бы! Я здесь работаю, пока грузчиком. На следующий год поступаю на информатику, – сообщил Илья.

– Это здорово, – одобрил Наиль и на всякий случай осведомился: – Ты тут вчера вечером не был? Взрыв не видел?

– Нет, я раньше ушел, – соврал Илья.

При этом совесть его дрогнула, но помочь следствию он в самом деле ничем не мог: покушавшихся не видел. Ну да, стоял он вчера в тени склада, но как раз в это время мысленно грузил темноту невероятными опасностями и чудовищами. Как-то не до мелочей было! Взрыв на парковке вышел плевый, достойный детсадовской елки, а погоня на аллее и вовсе не относилась к делу. И пластырь на подбородке – его личная мелкая проблема.

Илья очень хотел расспросить Наиля о его интересной службе, но не решался. Вообще-то Наиль всегда был парнем простым и дружелюбным, но на шесть лет старше, поэтому в приятелях Ильи не ходил. Теперь оба они вполне взрослые и могут общаться на равных, без скидок на малолетство и желторотость Ильи.

Однако беседы не вышло: первой на Наиля успела наброситься Тамара Сергеевна. Она была уже в бирюзовом халате с надписью «Тома» на бейжке. Как честная гражданка, Тамара Сергеевна сначала сообщила лейтенанту, что ничего вчера не видела, так как убежала домой еще до исторического взрыва (на кухне у нее с обеда размораживалась курица). Еще Тамара Сергеевна добавила, что Алим Петрович мухи не обидит, и потому какие у него враги? А вот у Ильи уже сколиоз и, наверное, развивается косоглазие, а Бочков из Сургута так и не пишет. Да, Покулитова с первого этажа в прошлом году попала под автобус и теперь живет в Новокузнецке!

После этого Тамара Сергеевна перешла к расспросам. Она выведала у Наиля, как поживают его мама и братья, а также более дальние родственники, о каких Ильи по молодости лет даже не подозревал, а его мать, напротив, знала всю подноготную. Еще ей было интересно, сколько сейчас платят в милиции и страшно ли стрелять в живого человека из пистолета. Несмотря на все потрясения, «Фурор» должен был открыться в обычные девять часов, так что выведывать информацию у Наиля приходилось на бешеной скорости.

– Строго тут у вас, – заметил Наиль, когда Тамара Сергеевна осеклась на полуслове и убежала в свой молочный отдел (ее спугнул мелькнувший вдали светлый костюм Алима Петровича).

– Да, у нас дисциплина, – подтвердил Илья.

Сам он тоже облачился в фирменный лазоревый халат и лазоревую шапочку. В этом наряде он немного напоминал медика-практиканта. В руках он держал свое профессиональное оружие – большой стальной крюк. Было в этом крюке нечто средневековое, и Илья предпочитал его вульгарной тележке. А если, сжимая крюк, принять напряженную позу и напустить на лицо побольше озабоченности, никто не догадается, что ты бьешь баклуши.

– Этот ваш Пичугин в самом деле такой миляга, как тетя Тома говорит? – осведомился Наиль. – Неужели мухи не обидит? Почему же ему угрожают?

– Насчет мух не знаю. Может быть, он их и любит, – ответил Илья. – А вот человека обидеть ему – раз плюнуть. Наши девчонки каждый день от него ревут.

– Сексуальные домогательства?

– Да нет! Это наши девчонки бы стерпели. Алим отлучаться с рабочего места не дает и готовить в подсобке не разрешает. Коллектив давится чипсами и лапшой, паренной в кипятке. Я-то лапшу люблю даже сухую, а девчонкам супчик подавай. Чашку с лапшой они под прилавок прячут. Покупатель подходит – бросай лапшу. Это унижительно.

– Как, и обеденного перерыва нет? – посочувствовал Наиль.

– Да разве девчонкам только в обед жрать хочется?

Наиль нахмурил тонкие брови:

– Нет, лапша не повод для покушения.

– Значит, что-то другое есть. Пичугин выглядит очень противно. Костюмов у него сотни три. Ты только посмотри на него!

Наиль посмотрел и пожал плечами. На первый взгляд в Алиме Петровиче ничего подозрительного не было – разве лишь то, что никто не знал, какой он национальности.

Пичугин отличался небольшим росточком. Его фигура заметно расширялась от плеч к бедрам, а затем так же энергично сужалась к небольшим ступням, отчего пичугинский силуэт напоминал юлу. Однако эта далекая от идеала фигура всегда была наряжена в костюмы, доставленные прямым из Милана и Лондона.

В одежде Алим Петрович предпочитал мягкие, пастельные тона. Его костюмы, рубашки и галстуки были настолько тонко подобраны друг к другу, что захватывало дух. Маленькие ножки Алима Петровича неизменно были обуты в пару светлых, тоже миланских туфель, и каждую из них можно было бесконечно рассматривать, находя все новые красоты. А ведь подобной обуви – то с пряжками, то с ручным плетением, то с фигурной строчкой и прочими чудесами – Алим Петрович имел горы. Девчонки из «Фурора» много раз принимались ее считать попарно, но всякий раз сбивались.

На пальцах Алима Петровича блестели перстни (один, как говорят, был с изумрудом, но Илья считал, что это просто крупная стекляшка).

Однако стоило отвести взгляд от ботинок, галстуков и колец Алима Петровича, как сразу становилось ясно, что он вовсе не безобидный щеголь зрелых лет. Прямо на пухлое тело Пичугина без всякой шеи была посажена идеально круглая мужественная голова, лысая до блеска. Недаром шар у древних воплощал совершенство: черты лица Алима Петровича пугали своей правильностью. Его лиловая смуглость вообще отдавала чем-то инопланетным. Глаза-яхонты искрились.

Не будь Илья ночным рыцарем Альфилом, он, как и все в «Фуроре», просто боялся бы Пичугина, как боялся начальников-бурбонов. Но Альфил знал, что Алим Петрович скрывает свою истинную сущность. Он не кто иной, как черный маг Бальдо – тот самый, что плодит чудищ и zapравляет нечистью в нордических замках.

Внешне Илья не слишком походил на могучего Альфила, зато Алим Петрович смотрелся настолько внушительно, что мог дать Бальдо сто очков вперед. Все лики зла, придуманные разработчиками игр, казались глупыми мультяшками в сравнении с угрожающе-правильной физиономией Алима Петровича. Резкий голос Пичугина, переходящий то на визг, то на сип, не дался бы ни одному из артистов московских театров, вопивших и скрежетающих в знаменитых RTS. Все прочее у Алима Петровича еще хуже: его черная как ночь машина глядит на мир адски раскосо, его телохранители имеют бессмысленные, нечеловеческие лица, его гражданская жена Анжелика Шишкина как две капли воды похожа на беловолосую колдунью Изору. Какие еще нужны доказательства? Все и так понятно! Но как рассказать об этом Наилу?

– Пичугин очень противный, – повторил Илья.

– Не пойдет! Быть противным не преступление, – строго сказал Наиль. – Вот когда у вас здесь случится что-нибудь странное или нехорошее, тогда звони.

Он вручил Илье свою визитку и попрощался.

– Тете Зиле привет! – крикнул ему вслед Илья.

Следственная группа удалилась, и начался обычный скучный день.

Смену в «Фуроре» составляли трое грузчиков. Злоязычные девчонки-продавщицы звали эту бригаду тремя богатырями. Кроме длинного и тощего Ильи, в нее входили пенсионер Снегирев и Толян Ухтомский, член великой ложи местных алкоголиков.

Толян был необщителен и держался в сторонке. Его товарищи по пороку весь день слонялись у «Фурора». Они заходили в магазин, выходили сами, выводились охраной, перемигивались с Толяном, строили друг другу какие-то многозначительные гримасы и делали тайные, дикие для непосвященных знаки. От этого всего Ухтомский к концу дня соловел, тяжелел и начинал дышать перегаром, хотя ничего не пил и ни на минуту никуда не отлучался. Сдав трудовую вахту, он радостно воссоединился с соратниками. Они уходили дружно, втроем или вчетвером, обняв Нинель, единственную на всех прекрасную даму.

– Толян только на вид квелый, – с сожалением говорил тогда старик Снегирев. – Он ведь чудовищной силы парень! Первый был на «Машстрое» гиревик! Естественно, он числился сборщиком, но больше честь завода защищал, рекорды ставил. Спился Толян уже тут, у нас, в «Фуроре». Это, кстати, неплохой вариант. Пошел бы в братки – давно бы уже закопали. Вот покойный Капитонов...

Снегирев любил поговорить о покойных и напомнить, что все там будем.

– Илюшенька, поди-ка сюда, зайчик! – позвала сына Тамара Сергеевна около полудня.

Илья решил, что пора ставить молоко в холодильник и матери требуется помощь. Но он ошибся.

– В «Фуроре» через час начнется какая-то рекламная акция, – сообщила Тамара Сергеевна. – Я договорилась, чтобы тебя тоже взяли. Лишние деньги нам не мешают.

В нескольких рекламных действиях Илья уже участвовал. Поэтому он настороженно спросил:

– А делать что надо? Снова ныть: «Вы чувствуете тяжесть внизу живота? Тогда попробуйте ложечку нашей горчицы!» Да? Чтоб меня опять все посылали?

– Что ты! Ни к кому приставать не придется, – успокоила его Тамара Сергеевна. – Просто надо будет надеть какой-то костюм и немного постоять. Кажется, еще и рукой помахать. Это просто! Снегирев просился, но Анжелика ему отказала. Ради меня! Вот она придет и все объяснит.

Анжелика? Опять штучки Изоры!

Белокурая Анжелика, копия нордической ведьмы и незаконная жена Алима Петровича (законная сидела где-то в Калуге с детьми и внучатами), прежде была специалисткой по рекламе и организации тематических вечеринок. Нрав она имела беспокойный и живой, обо-

жала суету и многолюдство. Трескучие шоу, бешеные краски, шум, грохот и прочая чертовщина были ее стихией.

Оставив рекламную карьеру ради любви, Анжелика дома, в неге и холе, очень скучала. Чтобы она не натворила взаперти бед, Алим Петрович позволял ей резвиться в своем магазине. Чаще всего Анжелика украшала рекламные акции собственными выдумками и устраивала КВН между отделами (обычно побеждал бакалейный). Не было недели, чтобы в «Фуроре» не случался бизнес-капустник, или театрализованные именины, или тематический пикник. В подобных мелочах Алим Петрович гражданской супруге отказать не мог.

Капризы Изоры нелегко давались коллективу. Однако все без исключения работники «Фурора» держались за свои места и трепетали перед хозяином. Потому веселились они безропотно: рядились героями мультфильмов, пели хором и соло, учили стишки, перетягивали канат и бегали в мешках. Некоторые даже сделали карьеру на прихотях неугомонной фаворитки. Так, коллега Ильи, Снегирев, давно бы вылетел из «Фурора» по древности лет. Однако старик умел вальсировать, бил чечетку своими непропорционально крупными, плоскими ступнями и без звука одевался во что скажут. Анжелика стояла за него горой.

Впрочем, у прекрасной Анжелики сложился в «Фуроре» целый двор. Кое-какие продавщицы в прошлом были фабричными девчонками с «Мехмаша». Теперь они утратили свежесть молодости, зато сохранили комсомольский задор, румянец во всю щеку, зычные голоса и бойкие ухватки. Они пели частушки, плясали, пили беленькую и были вовсе не против сабантуйчиков, которые назывались теперь корпоративными вечеринками.

Тамара Сергеевна Бочкова и здесь оказалась незаменимой – по любому поводу она сочиняла стишки и куплеты, не всегда складные, но всегда с душой. Ее талант Анжелика очень ценила.

Нет, все-таки, как ни посмотри, Алим Петрович человек нерусский! К такому выводу после долгих наблюдений пришли фуроровские девчонки. Ведь, влюбившись в Анжелику, Пичугин тотчас сделал ее своей женой, пусть неофициальной и не единственной. Зачем? Ведь мог бы, как все, просто встречаться с ней на разных кстати подвернувшихся квартирах. Девчонки знали, что благодарить за нежность принято покрытием расходов на закуску. Перепадают и букеты роз, которые расцвели в Голландии еще прошлой весной и так набальзамированы, что от них несет приемным покоем. Время от времени от любимого можно дожидаться даже пузырька духов, которые обожает его жена. Вот, собственно, и все!

Но восточные и полувосточные люди не понимают прелести опасных связей. Они ничуть не боятся своих законных жен. Родящиеся от грешной любви черноглазые младенцы не кажутся им прожженными наглецами и вымогателями. Их не возбуждает сознание того, что в любую минуту может случиться разоблачение и удар семейным сковородником по темени. Их не тешит, что чьи-то лучшие годы (с тридцати пяти по сорок шесть включительно) поглощены ими нехотя, в пол-укуса, как пирожок на улице.

У восточных людей просто не развита фантазия, решили девчонки. Любой бывший сотрудник «Мехмаша», считали они, заводит романы не от избытка здоровья, а от того же, от чего пьет, – от дури. Плюс мания величия и доля садизма. Ему просто нравится знать, что *она* ждет его. Она ставит на стол два бокала, возбуждающе длинных. Она весь день готовит какую-то рыбу по-гасконски, от которой прошлый раз он всю неделю икал. Для него она красит волосы в отвратительный баклажанный цвет, читает советы людоеда-сексолога, покупает трусики из бечевки, ходит на курсы спортивного стриптиза и плясок живота.

Зная все это, он чувствует себя пупом земли, и ему довольно. Когда придет долгожданный вечер любви, он бессовестно пробормочет в телефон какое-нибудь вранье про тестя или аккумулятор и преспокойно отправится к себе домой, где доест вчерашние котлеты с позавчерашним пюре (он последняя инстанция спасения; жена, дети и кошка несвежего не едят и оставляют ему). После такого подвига с чистой совестью можно прилечь и небрежно пере-

ключать каналы. Тогда перед ним будет все время возникать высокооплачиваемая красавица модель и страдать, сознавая свою потливость. Так ей и надо! Пусть помучается до полуночи! И чтобы каждые семь минут! А если вообразить, что и *та* сейчас одна и рыдает и ночь ей кажется вечной, а небо с овчинку...

Страсть Алима Петровича тоже была жестока, но жестока иначе. Анжелика могла сколько угодно тешиться званием жены, владеть квартирой, почти такой же просторной, как «Фурор», и новой «маздой» пылкого красного цвета. Она могла считать персонал «Фурора» собственным крепостным балетом. Ее наряды стоили бешеных денег. Ее бесчисленные туфли и сапоги не уступали в совершенстве обуви самого Алима Петровича.

Однако ревнивый супруг требовал, чтобы она не покидала дом без его ведома. На всякий случай он звонил ей по мобильнику каждые четверть часа. Он не подпускал привлекательных, по его мнению, мужчин на расстояние, с какого Анжелика могла бы их разглядеть. Но больше всего огорчало красавицу то, что Алим Петрович категорически запретил ей загорать. Круглый год Изора оставалась белоснежной, как Афродита, только что выбравшаяся из морской пены. Это вызывало у Алима Петровича восторг, непонятный цивилизованному человеку, и бешеное желание.

За полчаса до предполагаемой рекламной акции Анжелика-Изора наконец-то появилась в «Фуроре». Как всегда, она сверкала белизной лица, волос и кожаных брюк, туго набитых ее драгоценной плотью. Следом за Анжеликой плелись две какие-то девицы.

– Эдуард Потапович, Илюшка! Тащите из фургона аксессуары! – с порога распорядилась Анжелика. – Яну, Аллу и Олесю Анатольевну ко мне! Илюшка, марш в подсобку переодеваться. А Катя, представитель фирмы «Фруктикон», зачитает нам сценарий. Акция называется «Шоу радостного вкуса».

Одна из вновь прибывших девиц, с длинной челкой и таким толстым носом, что он вряд ли уместился бы у нее в горсти, важно кивнула. Крепостная труппа Анжелики Шишкиной привычно потянулась в подсобку.

– Наша фирма представляет новую продукцию эксклюзивного спектра – общеукрепляющие леденцы... – на ходу забубнила девица с толстым носом.

Свой текст она вызубрила до того, что выдавала его автоматически, без всякого усилия и даже вдохов, как жужжит муха. При этом она быстро водила глазами вправо и влево, отчего вздрагивала и шевелилась ее длинная челка.

Илья оперся о притолоку и перевел взгляд на другую девицу, приведенную Анжеликой.

И хорошо, что оперся! Иначе то, что случилось в следующую минуту, наверняка обрушило бы его на зеленый линолеум подсобки. Изора и Тара из нордического замка, несколько одноклассниц, соседка снизу Нина Борисовна – любительница загорать на балконе, все модели «Плейбоя» за последние пятьдесят лет, все участницы девичьих групп с их веселыми ляжками и оголтелыми улыбками, все девушки, что когда-либо проходили мимо, волнуясь бедрами, все женщины с коварно подведенными глазами и губами, блестящими, как горячее варенье, – все они мигом исчезли со света и из памяти, испарились, забылись. Осталась одна *она*.

Впрочем, Тара... Должна же быть у Альфила Тара – единственная! Наверное, это она и есть? Конечно! Конечно!

Это Илье стало ясно мгновенно, хотя он даже не успел как следует ее рассмотреть. Сначала она вошла в его существо узким зыбким силуэтом. В следующий момент обозначилось круглое личико меж длинных кулис распущенных русых волос. Потом проявились голубые глаза, поставленные широко и чуть вкось, и розовая улыбка.

– ...чтобы привлечь внимание лояльного потребителя к новой продукции и оттенить ее непередаваемые вкусовые качества, – закончила девица из фирмы.

Ее глаза сразу перестали бегать, а челка шевелиться.

Сценарий рекламного действия и впрямь оказался несложным. У входа в «Фурор» горластые фабричные девчонки должны были зазывать потребителя, выкрикивая слоган: «Фруктикон – моя услада!» В центре зала поставили рекламный лоток с листовками и образцами товара. У лотка толстоногая девица время от времени должна была методично прокручивать свой зазубренный текст.

Однако главной приманкой для публики должны были стать официально зарегистрированные символы компании – бегемотик Фруктикон и некая Ягодка. Роль Фруктикона и его фирменное одеяние – плюшевый фиолетовый комбинезон и метровая фиолетовая башка – достались Илье.

– Ягодки у нас в «Фуроре», к сожалению, не водятся, – ехидно заметила Анжелика. – Поэтому мы пригласили Ксюшу Ковалеву из студии Кирилла Попова.

Ее зовут Ксюша Ковалева?

Илья поежился: звучит вульгарно. Такое имя он и запоминать не будет. Она Тара! Вот что ей идет – короткое, нежное, терпкое имя. Оно похоже на случайный удар по лицу зеленой веткой, густой и душистой. Так бывает, когда идешь себе, думаешь о своем, не замечаешь ничего вокруг – и вдруг бац!

Да, случайный удар! Случайное счастье! *Тара, ты в сердце пожара, где не был никто никогда!..*

– Илья, не стой как чурбан! – весело закричала Анжелика, предвкушая забойное рекламное действие. – Переодевайся скорей – через двадцать минут начало акции. Девчонки уже на улицу пошли! Ну-ка, лови!

Своими белыми руками она подхватила грудь фиолетового плюша и метнула в Илью. Тот едва устоял на ногах – костюм бегемотика оказался тяжелым, особенно голова. У головы была отвратительная пасть в виде двух красных подушек с набивными тряпичными зубами, очень захватанными. Илья был явно не первым воплощением Фруктикона.

– Ужас какой! Может, пусть лучше Снегирев все это наденет? – слабым голосом возразил Илья.

Он ни разу еще не рядился в такие громоздкие одежды. Раньше ему приходилось лишь раздавать рекламные листовки и задавать дурацкие вопросы.

Присутствие Тары лишило его сил и наглости. Зеленый линолеум качался и плыл под ногами, будто Илья ехал в поезде.

Анжелика-Изора гневно потрянула белой шапкой своих неправдоподобных волос:

– Нет, Снегирев нам не подойдет – у него рост метр с кепкой, а костюм рассчитан на высокого мужчину. Не капризничай, Илюшка! Твоя мама обещала, что ты будешь стараться. И не вздумай халтурить, как в прошлый раз, когда ты выбросил листовки в туалет. В наше время денег даром никто не платит. Девчонки, вы готовы? Марш на крыльцо!

Яна, Алла и Олеся Анатольевна уже были наряжены в фиолетовые фартучки поверх демисезонных пальто. Фиолетовые банты на макушках сильно подчеркивали возраст бывалых фабричных девчонок.

– И-и-и начали! – скомандовала Олеся Анатольевна.

Девчонки силовыми профессиональными голосами начали славить Фруктикона.

– Хорошо, но надо жизнерадостней, – сказала привередливая девица с длинной челкой.

Группа кричалыщиц гуськом потянулась к выходу. Через минуту с улицы сквозь толстые стены «Фурора» донесся клич: «Фруктикон – моя услада!» Клич утонул в силовом гарканье и пороссячем визге. Очевидно, к рекламной группе потянулись праздные члены ложи алкоголиков и подростки (может быть, даже те самые, что подложили вчера петарды Алим Петровичу).

Шум, визг и гогот с улицы говорили о том, что рекламная акция сумела привлечь внимание покупателей.

– Ну-ка, быстрее переодевайтесь, – торопила Анжелика, потирая руки. – Декоративная тележка уже установлена в зале!

Илья не хотел к тележке, но повиновался. Он вяло расстегнул бирюзовый халат и стянул докторскую шапочку.

– Свитер тоже снимай, не то упреешь в этом балахоне, – посоветовала ему Ксюша Ковалева.

Прямо с небес слетел нежный голос Тары! Он поцеловал Илью в горячий лоб, как целует ветерок.

Илья послушно стал стягивать свитер через голову. Когда он вынырнул из-под жарких шерстяных складок, то снова чуть было не свалился на пол подсобки: Тара, ничуть не конфузясь, успела скинуть и юбчонку, и серую кофту, в которых пришла. Сейчас она натягивала лиловые плюшевые сапожки. Сквозь тонкие колготки просвечивали загорелые ноги и красные трусики. Тара наклонилась к своему сапогу так низко, что ее волосы упали на линолеум, а две круглые смуглые грудки почти выпрыгнули из маленького красного бюстгалтера.

Дурнота блаженства повела Илью в сторону. Он ударился плечом о шкаф, который только что стоял довольно далеко.

– Илья, не выделывайся! – топнула Изора длинным белоснежным каблуком. – Одевайся быстрее!

Илья с трудом облачился в фиолетовый комбинезон. Он все время попадал обеими ногами в одну и ту же стеганую штанину и еле просунул руки в уродливые толстые лапы. Когда его придавила бегемотья голова, мир сжался до размеров щели в лиловой морде. В эту щель, как в очень широкоэкранный кино, Илья мог теперь видеть лишь кое-что прямо перед собой.

Но он ничуть не огорчился. Напротив, он почувствовал радостную легкость освобождения от себя и своего смятения. В конце концов, доблестный рыцарь Альфил тоже облачен в сияющие латы, а его мужественное узкое лицо порой закрывает тяжелое забрало.

– Ну-ка, Илюшка, пройди! – потребовала Анжелика.

Илья сделал несколько шагов, как ему показалось, в направлении двери. Однако фиолетовая голова, задумчиво склонившись набок, понесла его к столу, уставленному хлипкой одноразовой посудой (здесь только что перекусили заботделами «Фурора»). Стеганому боку бегемота столкновение не повредило, а вот стаканчики и тарелки друг за дружкой с тихим цоканьем запрыгали на пол.

Илья дал обратный ход. Перед щелью его забрала оказалось лицо Тары, смеющееся мелкими белыми зубами и круглыми щечками. На Таре было фиолетовое мини-платице в фирменных ягодках и с большим декольте. Илья оцепенел.

– Эх, надо было заранее порепетировать... Ладно, несмертельно! – решила Анжелика. – Мы потихоньку выведем бегемота и поставим возле тележки. Стоять-то он сможет! Илья, теперь помаши нам рукой. Да не той, а левой!

Илья пошевелил бегемотьей конечностью, похожей на диванный валик. Анжелика осталась довольна и скомандовала полный вперед.

В торговом зале они появились друг за другом, как того и требовал сценарий. Впереди шествовала Тара с корзинкой, полной леденцов. Следом Илью под руки, как Вия, вели Анжелика и старик Снегирев, который, как всегда, подскочил очень вовремя.

Илья старался следовать сценарию и все время мотал тяжелой башкой. Его появление было встречено смехом покупателей. Какая-то подслеповатая старуха испугалась и громко охнула. Динамик заквакал полечку из допотопного мультфильма.

Это славный Фруктикон!
Посмотри, как он силен!
Съешь зеленый леденец —

Будешь мускулистый молодец! —

продекламировала Тара своим тонким, надтреснутым голоском.

От этих звуков у Ильи сжалось нутро, горячее под плюшем и поролоном, а глаза заволокло непрошеной мутью.

Правда, он все-таки был в состоянии сообразить, что последняя строчка стишка никуда не годится. Недаром его мать писала корпоративные куплеты! У Тамары Сергеевны слова тоже часто не лезли в строку. Приходилось мучиться, подставлять что-то другое, тоже негодное, не в том месте переломленное ударением. Нужное находилось не скоро. Лишь в самом крайнем, не важном или очень срочном случае Тамара Сергеевна могла состряпать такую нескладушку, какую официально утвердила фирма «Фруктикон».

Прочитав стишок, Тара стала раздавать из своей корзинки дармовые рекламные леденцы. Толстоногая девица делала то же самое, черпая товар с декоративной тележки, которая была обвешана фиолетовыми шариками и ягодными флажками.

Музыка гремела. Хотя на улице продолжали надрываться фабричные девчонки, шум из динамика, декольте Тары и Ильи в плюшевых доспехах сманили всю публику в торговый зал. Среди зевак замелькали почти такие же фиолетовые, как Фруктикон, лица Вовки, Коли и Пирожка, друзей-алкоголиков Толяна Ухтомского. Рядом веселилась их подруга Нинель с синяком под левым глазом. Она отчаянно пробивалась к корзине леденцов, дарующих мускулистость.

Было полно и подростков в одинаковых черных шапочках, натянутых на одинаковые лица. Они гоготали без передыху.

Скоро веселить народ Фруктикону стало невмоготу: какой-то карапуз настолько пленился рекламным чудовищем, что все время вис на его толстой фиолетовой ляжке. Илья оперся о тележку и попробовал избавиться от непрошеного поклонника дрыганьем ноги. Тогда карапуз (его щеки и карманы были полны леденцов) стал разбегаться издалека и, подпрыгивая, повисать на груди любимого героя.

— Фруктикон! Милый Фруктикон! — визжал малыш.

— Чей это ребенок? Беспризорный, что ли? Целый час меня достает! — простонал Илья из поролоновых глубин бегемотьей башки.

— Это Лидки Хромовой сынок, из колбасного, — ответил старик Снегирев.

Он так и остался торчать у тележки, наслаждаясь зрелищем.

— Эдуард Потапыч, сходите к Хромовой, пусть уберет своего поганца. Не то я накапаю Алим, что ее сын сорвал рекламную акцию, — пообещал из башки Илья.

— Ладно! С тебя бутылка, — весело согласился Снегирев.

В свое время Илья возрастал, как и этот поганец, болтаясь по магазину. Однако цивилизованный Алим Петрович персонал держал в строгости и не позволял приводить детишек на работу. «Это маркет! — говорил он, сверкая яхонтовыми очами. — Это не цыганский табор!» Прощтрафившихся наказывали без всякой жалости.

Вот веселый Фруктикон!
Он прикольный и умен!
Леденец возьми ты красный —
Умным будешь, учиться прекрасно! —

выкрикнула Тара новую порцию чепухи.

Нинель первой потянулась к лотку, желая поумнеть.

— Илюшка, давай пляши! — подсказал сзади Снегирев и дал Фруктикону веселого школьного пинка. — Сынишку Хромовой я нейтрализовал, так что руки у тебя развязаны. Пляши!

Анжелика передала, чтоб ты больше веселился. Говорит, ты малоактивен. Смотри, не позовут больше на акцию! Толян Ухтомский уже предлагает вместо тебя своего дружка, Вовку.

– Вовка мылся последний раз в прошлом веке, – возмутился Илья. – Он костюм измарает.

– Все равно пляши! Анжелика велела!

Илья пошевелил стегаными бедрами, махнул ногой, поднял обе руки разом, и силы его иссякли. Он попробовал подпрыгнуть. Голова-подушка больно мотнулась.

– Бегемот спятил! – крикнул один из подростков, а его приятели засмеялись неестественными гнусными голосами.

Кто-то бросил во Фруктика липкую бумажку из-под леденца, скатанную в шарик.

Стань таким, как Фруктикон... —

начала было Тара новый куплет.

Самый крупный и плечистый из подростков (скорее всего, ему стукнуло уже лет двадцать) нагло склонился к декольте Тары и спросил на весь «Фурор»:

– А почему, телка, твои шары?

Илью будто кипятком залили в его поролоновом футляре. Он шагнул вперед, наступив мягкой тупой лапой на сапожок Тары. Затем он толкнул подростка-негодяя в грудь, заливчато выставленную из расстегнутой куртки. На этой груди красовался зеленый треугольник – символ местной хоккейной команды «Углеводород».

Своих сил Илья не рассчитал, как и особенностей траектории движения больших ватных тел. Он вообще ничего не рассчитывал! Но лишь тронул он наглую углеводородную грудь, как уже лежал на скользком фуроровском полу. Правда, лежал рядом и негодяй, посмеявшийся обидеть Тару. Теперь можно было лупить его поролоновым валиком руки по орущему лицу с носом-пипкой. И Фруктикон лупил!

Ревел из динамика мультяшный марш. От шального удара ноги Фруктика легко и весело покатила куда-то вбок тележка с леденцами. Фиолетовые шарики над ней бились друг о друга и испуганно подпрыгивали. Кричала Тара и еще какие-то женщины.

Лишь несколько минут спустя бирюзовые охранники «Фурора» пробились сквозь толпу. Они растащили участников поединка.

3

Проведению рекламной акции никакой скандал помешать не в силах. Дерущихся быстро разняли, зрелого подростка и его свиту вывели вон. Куплеты и раздача леденцов возобновились.

Покупатели, особенно женщины, горячо обсуждали случившееся. Они дружно стали на сторону Фруктикона.

– Молодец бегемот! – говорили одни. – Так им всем и надо!

– Он, наверное, ее муж законный, – предполагали другие, кивая на Тару.

Леденцы с лотка шли нарасхват. Гремела мультяшная музыка, Тара читала стихи, Фруктикон топал ногами.

«Шоу радостного вкуса» омрачили лишь две неприятные мелочи. Сначала местный алкоголик Пирожок, друг Толяна Ухтомского, объелся дармовых леденцов, и его вытошнило возле бакалеи. Затем снова вырвался на волю сынок Лидки Хромовой. Он не только продолжил висеть на талии любимого Фруктикона, но и освоил застёжку-«молнию» у него на спине. Теперь скверный ребенок то и дело подскакивал к Илье сзади и распахивал сверху донизу фиолетовую плоть бегемота. В образовавшуюся прореху на публику тут же выглядывала желтая футболка Ильи и зад его потертых джинсов.

А вот застегнуть костюм оказалось непросто – был он не новый, и собачка на «молнии» барахлила. Поэтому хитрец Снегирев передал погрузку тяжестей Ухтомскому, а сам приспособился застегивать бегемоту «молнию».

Илья был готов терпеть и жар поролона, и танцы с подушкой на голове, и мальчика Хромова, и хохот покупателей. Ведь прекрасная Тара теперь не просто читала дрянные стишки – она еще улыбалась Фруктикону и похлопывала его по боку, который, правда, ничего не чувствовал под толщей стеганых округлостей. Тара даже подсказывала, когда надо махать рукой.

Илья старался изо всех сил. Он хотел одного: чтобы «Шоу радостного вкуса» продолжалось вечно.

Однако к концу дня пришлось все-таки идти в подсобку разоблачаться. Илья нарочно долго не снимал с себя душную голову бегемота. Из нее, как из засады, он восторженно разглядывал красный лифчик Тары и ее узкую загорелую спину.

Когда Илья все-таки избавился от своей личины, Тара посмотрела на него с интересом. Очевидно, его выпад против нахального подростка произвел на нее впечатление. Но ее интерес тут же остыл: в распаренном красном лице, в глазах, тусклых от счастья, и волосах, которые все как один прилипли к голове, красавица нашла для себя мало интересного.

Все-таки она ободряюще улыбнулась:

– Привет! А ты, оказывается, крутой. Вон и на подбородке пластырь. Все дерешься? Как тебя зовут?

– Илья.

– А я Ксения. Ты классно плясал! Я уже работала для этой фирмы во «Вкуснятине», Фруктикон у них был такой сачок! Все сесть норовил. И «молнию» сзади это он сорвал – спешил, когда раздевался. Выпить хотел, я думаю. Ой, какой ты худенький!

Илья, освободившись от плюша, как раз надевал через голову свой свитер. Его желтая футболка задралась, и Тара-Ксюша коснулась прохладными пальчиками его вздыбленных ребер.

Толстый свитер, считал Илья, придает увесистости его тощей фигуре. А вот бирюзовый халат с надписью во всю спину «Фурор» и медицинскую шапочку он надевать пока не стал. Ничего нет глупей этой дурацкой униформы!

Он сказал Таре, как ему показалось, небрежно, впроброс:

– Проводить тебя домой?

– Не надо! Я не домой. Тут совсем рядом Дворец металлистов. Мне к полшестому – уже опаздываю!

– На дискотеку? – сглумил Илья.

Он даже успел представить, как они танцуют вдвоем под огромным шаром, облепленным зеркальцами, – такой висел у металлистов в большом зале под потолком. По лицу Тары бегут суматошные зайчики, она улыбается своим веселым розовым ртом, а он...

Однако вместо улыбки Тара скроила презрительную гримасу:

– Дискотека? Вот еще! Я занимаюсь в студии Кирилла Попова. Не слышал, что ли? Странно. Ну, пока!

Она скользнула в дверь подсобки и исчезла. Только через пару минут Илья понял, что навсегда.

Он метнулся вслед за ней кратчайшим путем, петляя меж колонн и натываясь на витрины. В дверях он бесцеремонно вытолкнул наружу какого-то тормозного, широкого в бедрах покупателя и оказался на крыльце.

Осенний вечер был тускл и сер. Покупатели валом валили в «Фурор». Шаркали скучные машины, на углу мигал светофор то коралловым, то янтарным, то драконовски-зеленым глазом. Тары нигде не было.

– Илюшка, не отлынивай! Иди-ка помоги! – закричал в открытую дверь не по годам зоркий Снегирев. – Тут пиво подвезли, а я один: Толян в овощном на картошке!

В фирменном бирюзовом халате и шапочке Снегирев тоже напоминал медика – бывалого хирурга из тех, что забывают в кишках у пациентов ножницы и перчатки.

Илья вернулся в «Фурор». До позднего вечера у него ломило плечи – он чувствовал на себе тяжесть давно сброшенных фиолетовых одежд и небывалого счастья. Давно укатила на своей красной «мазде» Изора-Анжелика, Толян Ухтомский отбыл к соратникам, опустели залы «Фурора», а у Ильи в ушах все ухала мультяшная музыка и звенел голосок Тары.

«Стань таким, как Фруктикон...» Он без памяти влюблен!

– Илюшка, ты здесь еще? – удивилась Тамара Сергеевна.

Она как раз закончила убирать святилище, где восседал грозный Алим Петрович, и катила в подсобку толстопузый пылесос.

– Подожди минутку! Я сейчас оденусь, и вместе домой пойдем! – крикнула она через плечо.

Илье было все равно. Он заложил руки за спину и уставился в правила торговли, которые висели на стене. Правила были напечатаны такими мелкими буквами и помещены под такое толстое зеленое стекло, что ничего прочесть не смог бы и тот, кто этого хотел.

А Илья ничего читать не хотел. Он вообще никакой стены с правилами сейчас не видел. Он гадал, существует ли на самом деле Тара или только привиделась ему в потемках заколдованного замка. Кажется, «Шоу радостного вкуса» все-таки проводилось – к витрине кондитерского отдела до сих пор привязан фиолетовый шарик. Но Тара! Ее нет. Ее нет! А ведь была она не из гладкой и мертвой электронной плоти – живая! У нее голубые глаза. Волосы тонкие и теплые, расчесаны на пробор. На ней лифчик из красных кружев. Она появилась и исчезла, и никакими ухищрениями не вызвать ее больше из неизвестности, сколько ни шелкай мышью...

– Как до сих пор! Почему? Я уже кирпич заказал! – смутно донесся до Ильи знакомый голос.

Тьма, упрятавшая Тару, мгновенно рассеялась, освободив место для гипсокартона стены, крашенного зеленоватой краской. От такого цвета Илью всегда мутило, хотя на банке, в которой краска продавалась, было написано «Средиземноморская свежесть». Илья увидел эту свежесть и сообразил, что забрел в самый дальний угол «Фурора», где на стене под стеклом пестрят мелкими буквами неотвязные правила торговли. Еще он вспомнил, что давно вечер, что

все пропало, что Тара исчезла. Зато вечен и несокрушим «Фурор», и особенно кабинет Алима Петровича, прямо за зеленоватой стеной.

Рядовые работники «Фурора» редко допускались в заветное помещение. Илья же, когда Алима Петровича не было на месте, помогал матери убирать святая святых. Поэтому он знал, что ковер в кабинете шефа настоящий персидский, что над столом висит портрет президента раз в восемь крупнее натуральной величины, а в резных шкафах можно видеть часть пичугинской коллекции кальянов и эротической бронзы.

Не только сам кабинет, но и средиземноморски зеленый коридор, ведущий к нему, труженики «Фурора» обходили стороной. С начальством без особых причин лучше не встречаться, да и на глаза попадаться лишний раз тоже ни к чему. Береженого Бог бережет! В коридор этот больше заходили посетители нужные и важные – крупные поставщики, адвокат Луазо. Иногда приходили какие-то молодые люди южного типа, наверное приезжие, потому что уже с сентября они надевали теплые фуражки с ушками и двойные кашемировые кашне. Этих неженков фуроровы почему-то считали родственниками Алима Петровича, хотя Пичугин даже зимой одевался очень легко.

Илья опешил, сообразив, что он в пичугинском коридоре. Между тем голос Алима Петровича отчетливо доносился из кабинета. Илья и не подозревал, что в коридоре все так хорошо слышно: днем телохранители всегда отгоняли зевак от заветных дверей, а сам «Фурор» гудел, как улей. Зато теперь коридор был пуст, в магазине осела и успокоилась ночная тишина. От Алима Петровича Илью отделяла лишь гипсокартонная перепонка.

– Я повторять не люблю. Я ждать не люблю. Я дело люблю! – весомо говорил Алим Петрович.

Его пронзительный тенор был звонок, как бронзовый колокольчик. В ответ слышался невнятный, отрывистый бубнеж. Это значило, что Пичугин беседует со своей второй правой рукой, охранником Лехой (первой правой рукой был Тазит, а единственной левой – юрист «Фурора» Аркадий Ильич Луазо).

– Мне не надо говорить, куда ты их денешь, – продолжал сердиться Алим Петрович. – Может, зарежешь. Может, женишься на всех – я не знаю. Мне все равно! Мне надо вопрос решить. Мне надо, чтоб квартиры были пустые. Я уже проект сделал, я уже ремонт начал. Я уже кирпич заказал!

Леха пробубнил в ответ что-то настолько возмутительное, что Алим Петрович не только вскрикнул, но и звякнул чем-то металлическим, наверное бронзовой статуэткой.

– Я в последний раз говорю! А ты не говори, ты молчи – и дело делай. Или ты очень нездоровым будешь! Почти неживым будешь!

Снова раздался металлический стук, сильнее прежнего. Илья отпрянул от стены, которая хищно блеснула стеклом, скрывавшим правила торговли. Стена ожила! Через равные промежутки времени она мелко содрогалась изнутри!

Илье стало страшно. Он отступил к выходу, а шум у Пичугина продолжался. Илья с ужасом представил, как именно в эту минуту прекрасное лицо Алима Петровича злобно ощеривается и оплывает, выказывая голый желтый череп. Яхонтовые глаза становятся шарообразными, наливаются густой краснотой. Затем из-за покатых плеч элегантного владельца «Фурора» медленно поднимаются сухие нетопырьи крылья. Распахиваются они наверняка внезапно – с шумом и хлопком, как складной зонтик.

Вот он какой, черный маг Бальдо! Недаром это имя вышито золотом на изнанке пичугинских пиджаков. И не надо врать, что Бальдо – дизайнер из Милана. Ерунда! Для отвода глаз придуман дизайнер! Это сам зловещий водитель нечисти пишет золотом по черному свое истинное имя! И сейчас там, в кабинете, завесив портрет президента узорной тканью, он хлещет своим золотым жезлом (есть наверняка и жезл!) мелкого беса Леху.

Леха оправдывается, корчится, побрызгивает бурой нечистой кровью. Злобно блестят фальшивые рубины на коллекционных кальянных кувшинах. Сейчас эти камни налиты настоящей кровью! Эти кувшины полны ядовитых зелий! Маг Бальдо берет в свои губы, очерченные красиво и хищно, золотой наконечник. Он вдыхает магический смрад и смежает свои длинные ресницы, черные, как ад. Из его ноздрей проистекают, змеясь, прозрачно-сизые дымные драконы. Драконы свиваются друг с другом в мерзких объятиях, меркнут, пропадают. Стонет на полу мелкий бес Леха, рассеянный гневом Бальдо на четырнадцать черных кусков... Бежать отсюда! Бежать!

– Илюшка, пошли скорей! Сериал с Барахтиной начнется уже через семь минут, – поторопила сына Тамара Сергеевна.

Она сунула в руки сыну его куртку и шарф, но вдруг встревожилась:

– Чего ты бледный такой? Устал? Знаешь, я ведь не думала, что на тебя напялят такую кучу барахла. Анжелика сказала, что ей нужен высокий мужчина, а оказалось, нужен бегемот... Тебе нехорошо?

Тамара Сергеевна приложила ко лбу Ильи свою теплую пухлую руку.

– Температура нормальная, – сказала она со вздохом облегчения. – Побежали скорей домой!

На боковом крыльце – именно рядом с ним вчера был теракт с хлопушками – Илья заартачился:

– Мам, иди одна! Я лучше прогуляюсь. У меня чего-то голова болит.

– Так, значит, домой надо быстрее! Выпьешь пенталгинчику, покушаешь хорошо...

– Не надо! Меня стошнит от Барахтиной. Я сам через полчаса подтянусь.

– Полчасика, но не более! – строго сказала Тамара Сергеевна. – И держись проспекта Энтузиастов – там есть освещение, милиция патрулирует, аптека круглосуточная...

Илья согласно мотнул головой. Три блестящие машины стояли перед ним на парковке. Тихо реяли над крыльцом рекламные флаги. Сегодня это были флаги «Фруктикона». В темноте они казались не фиолетовыми, а пиратски черными.

Илья усмехнулся и ступил в потемки.

Сначала он просто шел, широко открыв глаза и не моргая – как если бы он нырнул в глубину и пробовал рассмотреть в толще воды неслыханных донных чудищ. Ветер свистал среди тополей. Звук этот в самом деле напоминал о шипучем приборе.

Дорогу было видно плохо, и она казалась незнакомой. Там, где исчезала тьма (а конца ей не жди до рассвета!), сияла Тара с утренними розовыми щеками и волосами цвета осенней травы. Самая настоящая Тара – живая, смуглая и недостижимая! На пути к ней громоздились плечистые великаны хрущевок и демоны огромных качающихся деревьев. Какая-то пестрая бесформенная нечисть шевельнулась слева, скверно мяукнула и закидала дорогу мятыми бумажками.

Тогда рыцарь Альфил взял свой меч, а Илья увесистую палку (их много наломали и раскидали вокруг недавние буйные ветры). Он бросился на чудовище.

«За Тару! За свет! За честь!» – закричал он про себя громовым голосом и одним ударом ссек громадную угластую башку, на щеке которой были нарисованы зонтик и рюмка. Затем непрочный белый остов разломился натрое с омерзительным скрипом, какой издает пенопласт. Упаковка большого телевизора перестала существовать. Запрыгали, завертелись под ударами бестолковые пластиковые бутылки. Напоследок грозный меч разнес несколько пакетов, набитых мусором, картофельными очистками и липкой сосисочной шелухой.

«Умри!» – приказал Илья, и гнилое чудовище умерло, притихло. Бродячая кошка, белая в темноте, приседая и оглядываясь, потекла к развороченным внутренностям поверженного врага. Другая кошка-мародерша прыгнула прямо с дерева.

Илья бросил палку, к которой прилипли скверные бумажки, и быстро пошел вперед. Разгромленная помойка (впрочем, совершенно незаконная, подзаборная, за пользование которой грозили штрафом с того же забора) осталась позади, во тьме.

Чьи-то шаги зашаркали на месте недавнего побоища. Что-то туда шлепнулось (наверное, очередной пакет с мусором), и старушечий голос возмутился:

– Все раскидали, паскудники! Теперь приличному человеку поскользнуться тут – раз плюнуть!

Илья злорадно усмехнулся и пошел дальше. Он забрел в самый запущенный угол микрорайона, который назывался улицей Созидателей. Здесь давно не горели никакие фонари и местность, как в библейские времена, освещалась только небесными светилами.

Этой ночью на посту была синюшная, почти полная луна. Она одиноко повисла прямо у Ильи над головой, и он мог разглядеть шеренгу двухэтажных домишек, покрытых смелыми узорами плесени. В этих домишках издавна дожди жестоко заливали подвалы, а в морозы либо вовсе не было тепла, либо лопались батареи. Сюда последние годы съезжались неудачники всех родов и горькие пьяницы, продавшие более приличное жилье. Немногочисленные жильцы засветло разбредались по домам. Кругом не было ни души.

Даже не подумаешь, что когда-то это был вполне уютный уголок! Домики строились в сталинском полуанглийском стиле, то есть красились в приятные тона и оживлялись белеными фронтончиками. Кое-где архитекторы прицепили даже лепные гирляндочки из цветов и фруктов. Правда, гирлянды теперь износились до неузнаваемости и походили на грязные ливерные колбасы.

Пусть здания облезли и стали убоги – зато кусты и деревья вольно пошли в рост. На улице Созидателей вымахала такая густая и мрачная чащоба, что Илья нашел ее достойной посещения демонов и ведьмаков. По их зловонным следам могли устремляться и светлые рыцари, поэтому он часто бывал здесь.

В тот вечер громить местную помойку он не стал, лишь окинул местность грозным взором. Тополя, смущенные силой этого взора, бестолково зашелестели в ответ. Теперь можно было поворачивать домой – туда, где на мониторе с легкостью рождались из синевы еще более мрачные миры.

Путь Ильи лежал мимо длинного дома, который выглядел с богом забытой улицы Созидателей на проспект Энтузиастов. Если бы не сквер, до крайности запущенный, то с проспекта этот дом был бы хорошо виден своей парадной стороной. Здесь на стенах густо пестрели гирлянды и торчали балкончики (балкончики делались исключительно для красоты – на них не поместилась бы и средняя кошка). Над крышей дома высилась башенка неизвестного назначения. Была она шестигранная, со шпилем. В дырах ее битых окошек виднелись звезды.

Хвост этого длинного дома тонул в зарослях улицы Созидателей и чем дальше забредал в кусты, тем выглядел заброшенней и плоше. Архитекторы изначально поскупились здесь на гирлянды и бордюры, а время допортило все остальное. Почти все окна в этой части дома были мертвы и заколочены. Во дворе, правда, попадались кучи песка и битого кирпича. Это говорило о том, что дом ожидает реконструкция.

Лишь несколько окошек светились сквозь заросли и выглядели обитаемыми, то есть виднелись в них занавески, какие-то банки на подоконниках и горшки с невзрачными растениями вроде живого дерева или ваньки мокрого. Неужели здесь еще кто-то живет?

Глубокие ямы и мусорные холмы этого двора стояли друг друга. Одна из песочных куч оказалась такой высокой, что Илья взобрался на нее и стал под прямой, холодный лунный луч. Здесь он почувствовал себя если не властелином ночи, то уж, во всяком случае, существом могучим, неодолимым, почти всесильным. *Я, Тара, для тебя сейчас переверну и мир, и солнце!*

В это время издали послышался шум. Кажется, какая-то машина пробиравалась по двору. Судя по малой скорости, прерывистому звуку мотора и свету фар, который прыгал по окрест-

ным кустам, машина приближалась осторожно, желая и не умея объехать колдобины и мусорные завалы на своем пути.

Илья сошел с песчаной горы. Быть властителем ночи на виду у незнакомцев показалось ему нелепым. Он повернул в сторону собственного дома, но на его пути выросла свежая груда битой штукатурки, рваных обоев и гнилых досок. Преграда была увенчана старым унитазом, который тянул к небу длинную руку-трубу с бачком, похожим на гусятницу. Еще позавчера ничего подобного тут не было и проход был свободен.

Илья вернулся к песочной куче. Он хотел пройти вдоль стены, но в это время машина уже подкатила к крайнему подъезду, напоследок кивнув влево и густо хлопнув бездонной лужей – единственной во всей округе. Илья знал: эта лужа не просыхает никогда и ни при каких обстоятельствах.

Машина оказалась обыкновенной старой «Волгой» неразличимого в потемках цвета. Можно было бы спокойно пройти мимо и даже мысленно поблагодарить ночных гостей – подъезжая, они осветили скверную лужу. Илья помнил, что она где-то здесь, но в тени дома не было видно ни зги, и вполне можно было влезть по уши в противную стоялую воду.

Однако Илья никуда не пошел и благодарить незнакомцев не стал. Он привычно слился с темнотой и густой путаницей дворовых зарослей, потому что понял: что-то здесь не так. Только вот что именно?

Из машины быстро вышли двое. В этом ничего удивительного не было. Но вышли они как-то особенно, даже, скорее, выскочили – сноровисто, целеустремленно. Разве так ведут себя в темноте у глухого и, скорее всего, необитаемого подъезда?

Те же двое и в подъезд вбежали упруго и ловко, без единого лишнего движения, не тратя ни секунды на случайную суету. Так спешат на помощь пожарные! Или спасатели. Или врачи-реаниматологи.

Илья, конечно, не присутствовал при реанимациях и даже на пожарах не бывал, но по телевизору подобные картины видел не раз. Он еще глубже отступил в заросли акации и тихо сплюнул мертвую сухую паутину, прилепившуюся к губам. Теперь он совсем слился с ночью и замер так же, как накануне у стены фуфуровского склада.

Невидимый, он видел все! И прежде он часто так же глядел из темноты, которой владел единолично. Видел он из засады картинку не такие волшебные, как на мониторе, зато совершенно непредсказуемые: влюбленные пары неистово целовались перед ним, алкоголики дрались и пели, брели куда-то старики, нащупывая ногами корявую дорогу. А вот сегодня реаниматологи выскочили из машины...

Впрочем, никаких особых опознавательных знаков на «Волге» не было – ни крестов, ни букв, ни рисунков. Внутри, в салоне, в полной темноте сидел водитель. Он курил в приоткрытое окно. Голубой кончик дымной струи медленно извивался и начинал светиться, когда попал в полосу лунного света, которая неподвижно лежала на овальной спине машины. Мотор тихонько рокотал. Тополиные листья падали и шелестели сухо, как бумажки.

Странное оцепенение нашло на Илью. Он почувствовал себя деревом, прочно вросшим в землю. Теперь ему не двинуться со своего места и не уйти от своей судьбы. Он даже пожалел настоящие деревья, которые качали рядом с ним головой на холодном ветру.

Прошло несколько минут. Двое реаниматологов снова показались в дверях. За их спинами, в подъезде, стояла такая темень, будто там была пропасть. Реаниматологи, взявшись с двух концов, тащили что-то, напоминавшее большой узел или небрежно свернутый ковер.

Водитель вышвырнул сигарету за окно, и зловонный огонек тихо сгинул в серых листьях. Водитель выскочил из машины, распахнул багажник и стал помогать своим товарищам укладывать узел. Все трое тихонько переговаривались – нечленораздельно, но, кажется, нецензурно.

«Да это же воры!» – сообразил наконец Илья.

После этого открытия все сразу сделалось противным и неинтересным. Старая «Волга» с помятым левым крылом, непросыхающая лужа и дом-трущоба не казались больше ни загадочными, ни кошмарными, хотя луна все так же заливала мир своим неживым светом.

Илья сунул в рот три пальца и оглушительно засвистел. Так учили его деревенские друзья три года назад, когда они с матерью в последний раз ездили на каникулы к тетке Алевтине.

Воры опешили. Они отпрянули от багажника и слепо уставились в темноту, причем совсем не туда, где стоял сейчас Илья. А Илья, свистнув еще раз, бросил в сторону «Волги» кусок холодного, отсыревшего кирпича, который первым попался под руку. Кирпич не долетел. Он тяжело плюхнулся все в ту же вечную лужу, обдав ноги воров невидимыми в потемках брызгами.

– Атаc! – крикнул один из воров голосом, который показался Илье знакомым. Но скорее всего, этот голос просто был похож на сотни других грубых и несвежих мужских голосов.

Все трое воров разом опомнились. Они бросились к кустам.

Илья, прорвав высокими прыжками самые густые и замусоренные заросли, бежал в это время к пустому соседнему двору. Он нырнул в знакомую арку, перемахнул через покалеченные детские качели, похожие в темноте на скелет некрупного динозавра, и снова нырнул в кусты.

За ним некоторое время гнались двое – совсем как вчера. Однако скоро он кружил в кустах и царапал ветками руки в одиночку: воры не захотели его преследовать. Они вернулись к машине, и в тот же миг «Волга», подпрыгивая на ухабах, заскользила в потемках, как большая, не слишком ловкая рыбина, случайно попавшая на илистое мелководье. С усилием, но скоро она ушла на глубину – на пестрый, в цветных огнях, проспект Энтузиастов. Там полно машин и никому дела нет до старой «Волги» и ее багажа.

По инерции Илья еще некоторое время бежал. Затем он перешел с нервных скачков на мелкую рысь. Он все еще спасался, в его ушах все еще стучали и шлепали шаги преследователей, но он уже стал таким, как всегда, – всеильным повелителем ночи и гонителем нечисти.

Так продолжалось до тех пор, пока он не услышал дьявольский рык. Тут же ему под ноги метнулось что-то чернее и живее ночи.

Пришлось остановиться и скромно замереть.

– Добрый вечер, – пропищал тоненький голосок. – За вами снова гнались? Снарк, фу!

Илья узнал маленький, тощий силуэт, увенчанный помпоном.

Снарк вздохнул и нехотя отступил от ноги Ильи, которую собрался было разгрызть. Пес уселся рядом с хозяйкой и начал чесать за ухом мускулистой задней лапой.

– А ты снова гуляешь по ночам? – укоризненно сказал Илья девочке с помпоном.

– Гуляю не я, а Снарк, – поправила его девочка. – Ему надо – он до утра не дотерпит. Да сейчас совсем и не поздно, около одиннадцати. Зато народу мало. Многие ведь пугаются Снарка, а он просто играть любит.

– Да, игрун он еще тот!

Снарк, освещенный луной, повернул к Илье свою громадную голову и глянул широко поставленными неласковыми глазами. Меж белых зубов в его пасти дрожал и блистал темный страшный язык. Наверное, за девочку и в самом деле беспокоиться не стоит.

– А сегодня кто за вами гнался? – снова спросила она.

Илья небрежно махнул рукой:

– Так, козлы какие-то. Вот ты ночью болтаешься по улицам, а кругом творится черт знает что. Пять минут назад я своими глазами видел, как воры ограбили квартиру.

– А что они украли? Золото, телевизор, старинные вещи, да? – запрыгала на месте любопытная девочка.

– Не знаю что, но целый узел увезли в машине.

– А где это было?

– В длинном доме на Созидателей. Воровали там, где кусты и кучи, в последнем подъезде.
– А, знаю, дом номер восемнадцать, – обрадовалась девчонка. – Но ведь там почти никто уже не живет! А вы запомнили номер квартиры, которую ограбили?

– Откуда? Я же снаружи был.

– А номер машины? Вы говорили, была машина.

– Была. Только зачем номер?

– Чтобы сообщить в милицию!

Вот о милиции повелитель ночи почему-то ни разу не вспомнил! В своем нордическом замке был он сам себе и богом, и милицией.

– Номер тут ни к чему, – сказал Илья. – Они давно уехали. Да и взяли вроде немного. А машина у них старая «Волга». Вроде бы серая, но в потемках цвета не разглядишь.

– Я приду домой и сразу же позвоню в милицию, – пообещала владелица Снарка.

– Своим цыплячьим голосом? Они решат, что кто-то прикалывается.

Девчонка обиделась:

– Нормальный у меня голос. О преступлении имеет право говорить всякий – если, конечно, у него есть совесть. А вы со своим взрослым голосом будете молчать?

– Это мое дело!

– Когда начнется следствие, я все равно расскажу, что вы видели и воров, и машину.

– Вот еще! – рассердился Илья. – Впрочем, пожалуйста. Ты меня все равно не знаешь. Попробуй найди!

– И искать не надо: вы работаете в «Фуроре». Я даже сегодня вас там видела в халате и в такой смешной шапочке. Вы ящик с кефиром несли.

Илья и предположить не мог, что скромное перетаскивание тяжестей в «Фуроре» делает его личностью заметной и в некотором смысле даже публичной. Да, тьма скрывала его, зато дневной свет выставлял на позорище. Хорошо еще, что сегодня удалось остаться неузнанным под пудовой башкой Фруктикона.

Илья вспомнил свои танцы в поролоне и плюше. Это было, кажется, так давно – позавчера или месяц назад! *А Тара умчалась и все позабыла...*

– У вас руки дрожат! Наверное, вас до дому надо проводить. Все-таки за вами воры гнались, – не унималась девчонка.

– Да ну тебя!

Илья круто развернулся и пошел домой. Осенняя ночь сгущалась, но мрак не был больше таинственным. Думалось о другом. Тара, Тара!..

Оттого что Тара существует наяву и зовут ее Ксюшей Ковалевой, все остальное поблекло. Блуждания грозного Альфила по нордическому замку вышли бестолковы, схватки случайны и лишены боевого задора. В конце концов Илья просто усталился на серый экран монитора и стал слушать, как колотится его сердце в глухом ящике ребер. Сегодня за ним гнались воры, но страшно не было, только противно. Страшно другое: он никогда ее больше не увидит!

Илья давно привык к слову *никогда* – оно часто путалось под ногами в стихах Тамары Сергеевны. К нему, как скрепки к магниту, сами собой липли рифмы «всегда», «иногда», «провода» и «ты знаешь, да». Ерундовое, сорное, обычное слово, но сегодня оно пугало своей пустотой.

– Илюша, где ты был? Что это такое?

Мать возникла сзади, за плечом. Она печально распялила на руках куртку Ильи. Левый рукав куртки был разорван. Из дыры лезла лохматая голубая дрянь подкладки.

– Я гулял, – привычно, не подумав, ответил Илья.

– Гулял? Где? Зачем? Что это за дыра? Откуда грязь? Тебя снова били? – тоскливо спрашивала Тамара Сергеевна.

– Почему били? И почему снова? – спросил в свою очередь Илья.

– Эта куртка! А вчера твоё лицо! Тебе надо сменить пластырь на подбородке...

– Вчера я гулял, споткнулся, упал. Что за беда? Сегодня тоже гулял.

– Кому ты врешь! – вскинулась Тамара Сергеевна, и в её голосе задрезжали слезы. – Почему ты мне не доверяешь? Я мать! Я все пойму, я не стану осуждать. Но у тебя вечно какие-то тайны. Чем ты живешь? Почему не дружишь с Виталиком Трескиным, с другими ребятами из класса? Где ты слоняешься по вечерам? Все молчишь? Вылитый Бочков!

Тамара Сергеевна считала, что все плохое и непонятное Илья унаследовал от отца, Виктора Анатольевича Бочкова. Однако Бочков-старший был человеком на редкость простым и обычным, а вот сложностью душевного устройства отличалась как раз сама Тамара Сергеевна. Она глубоко и болезненно переживала любую шероховатость бытия.

Бывало, конечно, что и Бочков-отец напускал на себя загадочность. Тогда он становился молчалив, как полено, и глядел волком. Но всегда это означало одно и то же – что он желает смотреть по телевизору футбол, хоккей, бокс, на худой конец биатлон, но никак не рубить капусту или выбивать ковер, в который назло Виктору Анатольевичу пыль то и дело набивалась пудами.

Тамара Сергеевна никогда не могла раскусить этого простого фокуса. Всякий раз, когда её супруг таинственно замыкался в себе, она подозревала в нем какие-то сложные и небывалые душевные муки. Она тогда запиралась на кухне и плакала. Сквозь прикрытую дверь она слышала, как муж громко стонет у телевизора, лупит себя ладонью по ляжке, материт Российский футбольный союз и время от времени вскрикивает: «Ага, дернули „Спартак“!»

Тамара Сергеевна глотала слезы и писала на мятой бумажке что-то вроде:

Зачем душа зовет другую, а нет ответа?

Зачем люблю, зачем ревную – и то, и это?

Закусив губу, она проскальзывала в гостиную, роняла мужу на колени эту бумажку и снова исчезала. Виктор Анатольевич брал бумажку. Он читал стихи несколько раз, смотрел, не написано ли еще что-то на обороте, и ничего не понимал. Футбол смотреть после этого он продолжал, но, по его словам, как оплеванный.

Семейная жизнь в этом духе продолжалась до поры, пока не прикрыли «Мехмаш», где Виктор Анатольевич трудился в сборочном цехе. Они вылетели с «Мехмаша» одновременно, Бочков из цеха, а Тамара Сергеевна – из библиотеки. Надо было кормить семью.

Виктор Анатольевич подался на Север. Именно там по непостижимой игре обстоятельств почему-то разом оказались и нефть, и деньги, и фортуна – самые надежные вещи в смутные времена.

На Севере Бочков и пропал навсегда. Писать письма он никогда не любил и не обещал. Лишь однажды, месяца через два после отъезда, он с оказией прислал Илье игрушечный самосвал, а жене – комплект нижнего белья и пеструю декольтированную кофточку.

Тамара Сергеевна только краем глаза глянула на подарки и сразу поняла: их семье конец. Все присланные вещицы были невыносимо яркие и на два размера меньше, чем она когда-либо, включая школьные годы, могла бы на себя надеть.

Развод был тих и грустен. Тамаре Сергеевне быстро донесли, что, едва выйдя из поезда в Сургуте, её супруг попал в когтистые лапы некой бойкой бабенки, которая рванула на Север за личным счастьем. Кажется, она сумела заарканить Бочкова уже в поезде!

С тех пор Виктор Анатольевич так и сидел где-то в объятиях этой бабенки, присылая сыну пустячные алименты (для этого хитрая бабенка оформила его сторожем Дома инвалидов).

Все эти годы Бочков-отец оставался героем рассказов Тамары Сергеевны о том, что такое плохо. Она подчеркивала, что дурные гены мешают жить даже ни в чем не повинным мальчи-

кам вроде Ильи. Когда Илья был совсем малышом, он узнал, что карапуз Бочков-старший тоже ежедневно рвал штаны на коленках, ел пластилин и засовывал в дырочки в телевизоре всякую дрянь (бумажки, пуговики, кукурузные хлопья). Подростком папа Бочков тоже был не краше: курил за сараями, ни бум-бум не понимал в геометрии, без конца терял авторучки, сменные ботинки и дневники с отвратительными оценками. Сейчас в Илье, по мнению матери, всплыли новые наследственные пороки отца – тот тоже любил шляться где-то вечерами и портить новые куртки.

– Как тяжело непонимание, когда ждешь искренности! – заключила Тамара Сергеевна свои наблюдения.

Она вздохнула и так посмотрела на сына, что любой на его месте в ту же минуту распахнул бы душу.

Однако Илья промолчал.

– Сегодня у меня родились стихи, – уныло продолжила Тамара Сергеевна. – Ты всегда судил непосредственно и здраво. Вот послушай.

Из кармана халата она вытащила мятую бумажку и прочитала несчастным голосом:

В твоих глазах добро и ласка,
И островочки синевы.
Пусть счастье будет бесконечным —
Счастливые всегда правы.

– Правы? А не пра'вы? – засомневался Илья. – Это ты про кого?

– Догадайся!

– Неужели опять про Пичугина? Сколько можно!

– Не пори чужь, Илья, – разочарованно протянула Тамара Сергеевна. – У Алима Петровича день рождения был в июле. К тому же я даже в стихах никогда бы не осмелилась говорить ему «ты».

– Тогда не знаю, кто у нас такой синеглазый. Да еще в октябре родился! Неужели Ухтомский?

Тамара Сергеевна обиделась:

– Нарочно меня злишь? Ты отлично знаешь, что я готовлю стихи для Аллы Кавун.

Алла работала в овощном отделе «Фурора». Никакой ласки от нее никто никогда не видел. Ее глаза были настолько малы, что их синеву, даже если такая и имелась, разглядеть было не под силу и самому зоркому соколу.

Однако Илья решил поддержать мать. Он сказал:

– Получилось неплохо, с душой. Алле понравится.

Тамара Сергеевна воспрянула духом.

– Сейчас я работаю над новыми строфами, – сказала она. – Надо размахнуться подлиннее – все-таки у человека юбилей.

– И сколько Кавунше стукнет?

– Полтинник.

– Так мало?

Тамара Сергеевна вздохнула с укоризной:

– Какой ты, Илья, все-таки бестактный!

– Почему сразу «бестактный»? Если б Кавунша тут с нами сидела, я бы молчал в тряпочку. Но с тобой-то я могу быть откровенным? Ты же сама требуешь искренности. Зачем тогда говорить о непонимании?

4

Когда человека постигает удар, в первую минуту ему кажется, что это совсем не больно. Ничего страшного! Он продолжает по инерции бежать, видеть, размахивать руками. Однако вскоре боль и муть накрывают его с головой, тащат куда-то в сторону, бьют оземь.

Встретив Тару, Илья опешил. Потом подумал – это на минуту, просто налетел на него оглушительный вихрь, а малосильное октябрьское солнце на один миг налилось июньским жаром. Но подхватили, понесли Илью неведомые силы!

Первый день был самым легким. Илья неутомимо топал фиолетовыми ногами, мотал пудовой башкой, громил помойки, бросал в воров кирпичи и радовался, что живет горячо и не напрасно.

Следующее утро оказалось серым. Пошел дождь. «Фурор» и его суета мучили и раздражали Илью, как никогда. За прилавками торчали знакомые продавщицы. Все они, как на подбор, были несимпатичные и переговаривались друг с другом пронзительными вороньими головами. Хотелось закрыть глаза и зажать уши. Бирюзовая шапочка жгла голову, как шутовской колпак. Вдобавок и работы было полно. Товар в тот день прибывал в удивительно скользких и неподъемных ящиках, а экспедиторы сплошь попадались сварливые.

Однако самым противным было то, что распиравшая Илью счастливая и горестная дрожь всем была заметна, но никому не понятна. В «Фуроре» забыли о прекрасной Таре, будто ее там никогда и не было! Илья никак не мог этого понять. Любовь кипела в его душе, как в запаянном сосуде, а вокруг толкались и смеялись чужие, скучные, слепые люди.

– Ты не заболел, Илюшка? – время от времени спрашивала Тамара Сергеевна, клала руку сыну на лоб и тут же облегченно отворачивалась. Никакой беды, кроме температуры, она и вообразить не могла.

– Пил, что ли, вчера? – хмыкнул Толян Ухтомский, когда Илья в четвертый раз споткнулся о пирамиду ящиков с газировкой кислотных цветов.

– Не хмурься, Илюшка, девочки любить не будут! – кричала будущая юбилярша Алла Кавун.

Над ее головой парила веснушчатая банановая гроздь, подвешенная к потолку для приманки покупателей. Илья присмотрелся: синевы в глазах Аллы было не больше, чем в томатном соке.

Старик Снегирев, коллега Ильи, считался в «Фуроре» человеком интеллигентным и тонким, большим знатоком женской красоты. Он не только бил чечетку и показывал фокусы (растирал в ладонях спичечный коробок и доставал изо рта колоду карт), но и знал несколько бардовских песен.

– Эдуард Потапович, вам нравится имя Тара? – спросил его Илья, измученный своей тайной.

– Это женское имя? – осведомился Снегирев и вдруг захохотал, блистая металлическими коренными зубами. – Ты молоток, что придумал! Оч-чень подходящее имечко для подружки грузчика.

Он продолжил интеллигентные шутки и дальше:

– Тара Нетто и Тара Брутто – звучит! Постой, Нетто бывает без всякой тары – это пароход и человек. А вот Брутто в самый раз. И ты, Брут!

Илья с отвращением отошел. Но ему так хотелось с кем-нибудь поговорить о Таре, что через некоторое время он снова не удержался:

– Помните, Эдуард Потапович, девушку, которая вчера участвовала в акции?

Снегирев должен был помнить: он все время торчал возле фиолетовой тележки и застегивал Фруктикону «молнию».

Старик наморщил невысокий лоб:

– Что за девушка? У которой нос картошкой? Или та, с маленькой попкой? Она? Ага, зацепила!

Он снова разразился своим скрипучим смехом и хлопнул Илью по плечу:

– Эх, Илюха, зелен ты еще! Ой как зелен – ничего в женщинах не догоняешь. Вчерашняя соплюшка – тьфу! Ты лучше на Аньку нашу погляди. Вот где красота!

Снегирев вытянул руки вперед и округлил ладони. Это должно было обозначать очертания Анькиного бюста, действительно крупнейшего в «Фуроре».

– Поверишь ли, когда Анькина смена, я каждые двадцать минут поглядеть на нее бегаю, – доверительно сообщил Снегирев. – Глаз оторвать не могу и отхожу обновленный. Это что-то вроде энергетической подпитки. Эх, будь я лет на пяток моложе!

Илья поморщился и отступил было в сторону, но Снегирев схватил его за рукав цепкими пальцами фокусника-любителя.

– Раз как-то я не вытерпел, – с интимным присвистом продолжил старик, – налетел на Аньку будто невзначай. Вроде споткнулся – понимаешь? И что ты думаешь? Отскочил от ее буферов как мячик и о стенку шмякнулся. Затылком. Не ожидал потому что – не всякая покрывка «Мишлен» такая тугая, как эти титьки! Вот где красота, вот куда смотри, вот куда лезь, пока пускают. В твои годы я...

Снегирев осекся на полуслове. Он деловито выпучил глаза и ухватился за пустой ящик, который на всякий случай всегда таскал с собой.

Случай теперь был самый подходящий: в торговом зале «Фурора» бесшумно и внезапно, как привидение, возник Алим Петрович Пичугин. Как всегда элегантный, с ног до головы в серовато-розовом и жемчужно-сливочном, шеф был не в духе. Его большие глаза метали искры, ноздри мерно раздувались, цвет лица был беспокойный, желчный.

Завидев Алима Петровича, все продавцы расплылись в бессмысленных улыбках и кинулись на покупателей. Те, у кого покупателей не оказалось, налегли на одну улыбку. На них было больно смотреть.

От орлиного глаза Алима Петровича не укрылось, что эти жалкие потуги маскировали жевание.

– Опять перекус устроили? Опять в подсобке сидели? Опять работать не хочется?

Он угрожающе шипел, его слова обжигали, как брызги со сковородки. Его маленькие руки гневно сжимались, его дорогой парфюм отдавал злой животной горечью.

Илья со Снегиревым, заслонив бирюзовыми спинами пустой ящик, засеменили к подсобке. Они продвигались на полусогнутых ногах и довольно убедительно имитировали несение тяжелого груза.

В подсобке можно было перевести дух. Дверь Снегирев предусмотрительно оставил открытой, чтобы не прозевать внезапного вторжения шефа.

– Алим сегодня злой, как шакал, – прошептал Снегирев и кивнул в сторону Пичугина. – Ты, Илюшка, переставляй вон те ящики с печеньем – издали будет казаться, что мы работаем. А я посижу дух переведу. Меня чуть кондратий не хватил с перепугу!

Старик сел на табурет и положил в рот леденец-фруктикон – вчера он набил полные карманы рекламными образцами. При виде фиолетового фантика у Ильи защемило в груди, и камуфляжный ящик Снегирева скользнул из его рук.

Снегирев с цирковой ловкостью подхватил ящик на лету.

– Ты что? – рассердился он на Илью. – Хочешь угодить в пасть к Алиму? Чего стоишь, как монумент? Носи печенье! И мимо двери чаще ходи, а то этот скорпион сюда приползет. И какая муха его укусила? Мать твоя что говорит?

– При чем тут мама? – удивился Илья.

– Как «при чем»? Она же у него убирает и вообще любимый негр Алима. Должна больше нашего про него знать.

Илья только пожал плечами. Даже если бы он интересовался нюансами жизни Алима Пичугина (а он ими нисколько не интересовался), Тамара Сергеевна все равно ничего бы не сказала. Она не выносила пересудов и не пересказывала слухов. Это тоже располагало к ней шефа.

Зато Эдуард Потапович Снегирев был страстным сплетником. Вот и сейчас он соорудил заговорщическую мину, подмигнул старым бесцветным глазом и прошептал:

– Знаю, Тамарка его не выдаст. Еще комсомольская у нее закалка! Ей бы в партизаны в Брянский лес... А я вот слышал краем уха, что у нашего Алима в последнее время проблемы. Да и сам вижу: кидается на всех, психует, таблетки от изжоги глотает. Петарду пацаны ему подложили, а он вопит: «Заговор! Мировая закулиса!» Проблемы у него, не иначе.

Илья вспомнил вчерашний вечер, крики за стеной и нагоняй Лехе. Черный маг расчленил бедного беса на куски!

Впрочем, Леха, живой, здоровый, сиропно-розовый, возвышался сейчас в торговом зале рядом с шефом. Магия может все! Интересно, выполнил ли Леха приказ хозяина? Кажется, надо было на ком-то жениться?

– И вот еще что болтают, – едко сощурившись, добавил Снегирев. – Алим такой злой, потому что Анжелика погуливать от него начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.